

В. О. Пъврицкій.

Мои воспоминанія.

К І Е В Ъ.
Тип. Акц. Об-ва „Петръ Барскій въ Кіевѣ“, Крещатикъ, № 40.
1912.

Печатать дозволяется. 2 іюня 1912 г.

Ректоръ Академіи *Епископъ Иннокентій*.

Оттискъ изъ журнала „Труды Кіевской духовной Академіи“.

Мои воспоминанія.

Служеніе въ Академіи въ должности профессора.

Мнѣ выпалъ рѣдкій жребій прослужить непрерывно въ Академіи свыше пятидесяти лѣтъ, и потомъ, по выходѣ въ отставку въ 1906 году, я не расстался съ Академіей, а продолжалъ считать себя ея членомъ, и въ качествѣ члена Академіи, принимаю участіе въ засѣданіяхъ Совѣта. Когда я своею мыслию обращаюсь назадъ, предо мною расстилается изъ жизни въ Академіи длинный рядъ протекшихъ лѣтъ, обильныхъ разнообразными событіями. Въ этотъ длинный періодъ я былъ непосредственнымъ ближайшимъ свидѣтелемъ текущей видоизмѣняющейся жизни Академіи, и присяжнымъ ея дѣятелемъ, служа вмѣстѣ съ другими выполненію задачи, возложенной на Академію. Много пришлось мнѣ пережить, испытать и перечувствовать, немало и потрудиться. Но о себѣ, о своей личной жизни я не могу говорить, отдѣльно отъ Академіи. Моя личная жизнь и дѣятельность, какъ малая единица, сливается съ жизнью Академіи и ею поглощается.

Много перемѣнъ пережила Академія въ періодъ моего долговременнаго служенія въ ней. Смѣнилось три Устава, упорядочивающихъ жизнь Академіи, въ устроеніи одного изъ которыхъ я принималъ непосредственное участіе, какъ членъ Комитета, образованнаго въ 1881 году для пересмотра и исправленія дѣйствовавшего тогда Устава. На кievской кафедрѣ преемственно слѣдовали одинъ за другимъ восемь митрополитовъ, которые были главными начальниками и по-

время держались въ Академіи такой практики при замѣщеніи праздныхъ профессорскихъ вакансій. Когда опростается та или другая кафедра, за смертію или выбытіемъ прежняго наставника, не искали на сторонѣ подходящаго кандидата и не готовили своего, а предоставляли освободившіяся вакансіи тѣмъ изъ кончающихъ курсъ студентовъ, которые въ теченіе академическаго курса зарекомендовали себя отличными успѣхами и признавались людьми особенно способными къ ученой дѣятельности. Такіе обыкновенно занимали первый мѣста въ разрядномъ спискѣ. И вотъ этимъ первымъ студентамъ, при назначеніи окончившихъ курсъ на мѣста, доставались свободныя вакансіи въ Академіи, если такія были въ годъ окончанія ими курса. Надѣялись, что люди счастливыхъ дарованій, и безъ предварительной подготовки, хорошо справятся съ тѣмъ труднымъ дѣломъ, которое имъ поручается при опредѣленіи ихъ на новую кафедру, что, уча другихъ, они сами усилятъ скоро изучить тотъ предметъ, который будутъ преподавать. И нужно замѣтить, что расчеты конференціи весьма часто оправдывались, хотя не легко было молодымъ бакалаврамъ новичкамъ нести порученную имъ службу.

Когда мы кончали курсъ, въ Академіи были двѣ свободныя кафедры,—кафедра литургики и церковнаго права, за выбытіемъ прежняго наставника священника Ал. Копосова изъ Академіи по опредѣленіи его законоучителемъ кадетскаго корпуса, и кафедра общей словесности, профессоръ которой скончался отъ холеры 7 іюня 1855 года. На эти кафедры конференція, слѣдуя утвердившемуся практикою порядку, безъ всякаго прекословія съ чьей-либо стороны, назначила двухъ студентовъ, занимавшихъ первый мѣста въ разрядномъ спискѣ,—іеромонаха Мееодія Симова на богословскую кафедру, а меня на кафедру общей словесности. Утвержденіе въ должности зависѣло отъ Св. Синода, которому посылались предположенія и распоряженія конферен-

ція по распредѣленію на мѣста окончившихъ курса студентовъ. Утвержденіе меня и Сомова на указанныхъ кафедрахъ послѣдовало 6-го ноября 1855 года, и съ этого числа считается моя служба въ Академіи. Св. Синодъ почти никогда не отмѣнялъ назначеній на праздыя кафедры въ Академіи, сдѣланныхъ конференціею. Разъ только случилось, сколько я помню, что не утверждено Синодомъ сдѣланное конференціею назначеніе избраннаго кандидата на кафедру въ Академіи. Когда архимандритъ Филаретъ, занимавшій кафедру Священнаго Писанія въ Киевской Академіи, въ 1858 году переведенъ былъ инспекторомъ въ Казанскую Академію, на опроставшуюся кафедру конференція представила преподавателя Киевской Семинаріи іеромонаха Евгенія Шерешилова, вполсѣдствіи епископа минскаго и астраханскаго. На это представленіе изъ Духовно-Учебнаго Управленія послѣдовала запросъ: почему конференція представляетъ на кафедру Священнаго Писанія въ Академіи іеромонаха Евгенія Шерешилова, который въ 1853 году кончилъ курсъ девятымъ, а не Павла Вильчинскаго, вполсѣдствіи епископа пензенскаго, который кончилъ курсъ вторымъ. Получивъ такой запросъ, конференція сдѣлала новое представленіе, избравъ кандидатомъ на вакантную кафедру преподавателя семинаріи Михаила Гуляева, и этотъ новый кандидатъ былъ утвержденъ въ должности бакалавра Академіи. Запросъ, обращенный конференціею со стороны Духовно-Учебнаго Управленія по поводу представленія на кафедру въ Академію Евгенія Шерешилова, ставить на видъ конференціи, почему она уклонилась отъ принятаго въ Академіяхъ порядка замѣщенія свободныхъ профессорскихъ вакансій, по которому эти вакансии предоставлялись лучшимъ изъ оканчивающихъ курсъ студентовъ, занимавшимъ въ разрядномъ спискѣ первыя мѣста.

Избранные конференціею и утвержденные Синодомъ замѣстители академическихъ кафедръ первоначально, до ут-

вержденія въ ученой степени магистра, носили званіе учителей Академіи, и по утвержденіи въ ученой степени званіе учителя перемѣнялось въ званіе бакалавра.

Утвержденіе въ степеняхъ окончившихъ курсъ студентовъ замедлялось въ Синодѣ. Это замедленіе зависѣло отъ того, что наши курсовыя сочиненія, за которыя присуждалась степень магистра, посылались въ Синодъ, и Синодъ съ своей стороны разсылая ихъ для новой рецензіи преосвященнымъ архипастырямъ, извѣстнымъ богословскою ученостію, и только по полученіи отъ этихъ новыхъ рецензентовъ отзывовъ о сочиненіяхъ, бывшихъ у нихъ на разсмотрѣніи, возводилъ въ степень магистра тѣхъ, которые сочтены были достойными этой степени конференціею. Я и другіе мои товарищи утверждены были въ степени магистра только 19 декабря 1856 года. Такимъ образомъ только чрезъ полтора года по окончаніи курса я переименованъ былъ изъ скромнаго званія учителя въ громкое званіе бакалавра.

Званіе бакалавра соответствуетъ званію доцента и, собственно говоря, званіе довольно скромное. Но въ провинціи и вообще въ кругахъ духовенства въ прежнее время съ этимъ званіемъ соединяли нѣчто высшее. Названіе „бакалавра“, по ходячему тогда мнѣнію, указываетъ не на должность, а на высокое ученое достоинство, пріобрѣтенное отличными успѣхами въ Академіи. Такъ какъ бакалаврами оставлялись при Академіи лучшіе и способнѣйшіе изъ студентовъ (а такихъ бывало одинъ или два), а магистрами кончали человѣкъ пятнадцать или двадцать, то съ именемъ бакалавра соединяли представленіе о человѣкѣ, возвышающемся надъ простыми рядовыми магистрами. Это уже не названіе должности, а названіе ученой степени, высшей степени магистра. Мнѣ не разъ случалось встрѣчаться съ недоразумѣніемъ, возбуждавшимся отъ неточнаго пониманія слова бакалавръ. Такъ въ 1863 году я посѣтилъ во Владимірской губерніи своего товарища по семинаріи, бывшаго священни-

комъ въ видномъ погостѣ Вязниковскаго уѣзда. Онъ спросилъ меня: кто я такой теперь. Я сказалъ: ординарный профессоръ Академіи. На лицѣ его я замѣтилъ выраженіе нѣкотораго недовольства и разочарованія. Да вѣдь вы, кажется, были бакалавромъ (скажалъ онъ, видимо смущенный моимъ отвѣтомъ); отъ чего же васъ какъ будто понизили? И я долженъ былъ разъяснить ему, что профессорство выше бакалаврства, что изъ бакалавровъ я возведенъ былъ сначала въ званіе экстраординарнаго профессора, а потомъ въ высшее званіе въ учебномъ мірѣ ординарнаго профессора.

Когда полученъ былъ указъ Синода объ утвержденіи насъ въ должности наставниковъ академіи, ректоръ Антоній первымъ дѣломъ сочелъ нужнымъ представить насъ (меня и іеромонаха Мееодіи Семова) Митрополиту Филарету. Митрополитъ былъ не совсѣмъ здоровъ и насъ принялъ, сидя въ креслѣ, преподавъ намъ благословеніе на начатіе и успѣшное продолженіе предстоящаго намъ служенія, выразивъ при этомъ пожеланіе, чтобы мы оправдали тѣ надежды, какія возлагало на насъ академическое начальство, представляя насъ Святѣйшему Синоду, какъ способныхъ кандидатовъ на занятіе академическихъ кафедръ. Мееодій, слѣдуя монашескому чину, поклонился при этомъ Митрополиту въ ноги. Не могъ я я отстать отъ него въ этомъ случаѣ, хотя, какъ свѣтскій человѣкъ, вѣроятно не сдѣлалъ бы этого, если бы представлялся ему одинъ.

Вступленіе въ академическое общество.

По вступленіи въ должность, намъ предстояло дѣлать визиты всѣмъ своимъ сослуживцамъ, и чрезъ выполненіе этой житейской формальности пріобщиться къ обществу академическихъ профессоровъ и войти съ ними въ болѣе или менѣе близкія отношенія. Всѣ визиты академическимъ профессорамъ мы съ Мееодіемъ дѣлали вмѣстѣ. Визиты эти, собственно гоноря, пустое дѣло. Но мы оба, люди неопыт-

ные и прежде небывалые въ обществѣ, не мало тяготились ими и съ стѣсненнымъ сердцемъ являлись въ квартиры своихъ старшихъ сослуживцевъ, прежде бывшихъ нашими наставниками, какъ бы выполняя навязанную намъ нелегкую повинность. По своей наивности въ житейскихъ дѣлахъ, мы придавали этимъ визитамъ такое серьезное значеніе, какого они не имѣли. Для насъ это былъ своего рода экзамень, который намъ предстояло выдержать при первомъ вступленіи въ общественную жизнь. Мы съ робостію входили въ квартиры профессоровъ, въ особенности старшихъ. Насъ смущало опасеніе, какъ бы намъ не допустить какой-либо неловкости и не вызвать осужденія за свое неумѣлое обхожденіе съ старшими сослуживцами. Послѣ каждаго визита мы подвергали тщательному обсужденію все свои слова и дѣйствія, какими мы старались зарекомендовать себя предъ новыми знакомыми, въ общество которыхъ мы вступали, и мы испытывали немалое безпокойство, если при этомъ обсужденіи усматривали, что нами допущено что-либо не падное, могущее набросить невыгодную тѣнь на насъ. Въ особенности мнѣ памятенъ одинъ визитъ къ профессору Венедикту Павловичу Чеховичу. Явившись къ нему, мы застали у него большое общество изъ особъ прекраснаго пола, предъ которыми ораторствовалъ Викторъ Ипатьичъ Аскоченскій. Предъ этимъ обществомъ мы совершенно растерялись. В. И. Чеховичъ пригласилъ насъ въ свой кабинетъ, и мы тамъ бесѣдовали съ нимъ наединѣ. Когда шла у насъ съ нимъ мало оживленная бесѣда, которую мы, да кажется, и онъ самъ, желали скорѣе кончить, въ кабинетъ вбѣгаетъ Аскоченскій и прерываетъ нашу тихую бесѣду. „Здравствуйте, мой другъ“ говоритъ онъ, обращаясь ко мнѣ. „Здравствуйте, отецъ!“ говорятъ онъ Меодію. Мы что-то пробормотали ему въ отвѣтъ на его привѣтствіе. Но онъ послѣ того не далъ говорить ни Чеховичу, ни намъ, а самъ сталъ разводить предъ нами турусы на колесахъ, то есть,

разсыпаться предъ нами остроумною болтовнею. Мы не могли попасть въ тонъ его разговора, и чувствуя свою не-находчивость, сидѣли какъ на иголкахъ. Облегченіе почувствовали мы, когда вышли изъ дома Чеховича, но пришедши домой, долго я не мало беспокоился о томъ, не показались ли мы мало цивилизованными дикарями Аскоченскому, слывшему изысканнымъ джентльменомъ въ обществѣ, написавшему для студентовъ правила, какъ нужно вести себя въ обществѣ. Зная его, какъ человѣка злоязычнаго, никому подававшаго спуска, все и вездѣ подвергавшаго безпощадной критикѣ, мы долго носились, какъ съ тяжелою ношею, съ безпокоившимъ насъ предположеніемъ, что, вѣроятно, этотъ законодатель, написавшій правила для молодежи, какъ нужно вести себя въ обществѣ, строго осудилъ насъ за наше, слишкомъ скромное и робкое, не умѣлое обращеніе, и, можетъ быть, осмѣилъ насъ среди того дамскаго общества, среди котораго вращался. Отступленія отъ правилъ житейскаго благоприличія въ этомъ случаѣ мы допустили въ томъ, что явились къ Чеховичу не въ утренніе часы, какъ подобало, а въ шесть часовъ вечера, и это сдѣлали потому, что не знали, когда нужно дѣлать официальные визиты. Можетъ быть, указанное наше предположеніе напрасно беспокоило насъ, и для него не было оснований. Теперь я рѣшительно заявляю, что виною этого безпокойства была наша излишняя мнительность, а не дѣйствительно критическое отношеніе строгихъ судей къ нашей неопытности. Но я изображаю здѣсь не общество, которому мы представлялись, по вступленіи въ должность, а наши субъективные чувства, какія возбуждались въ насъ при первомъ соприкосновеніи съ обществомъ. Вина нашего безпокойства была не въ обществѣ, а въ насъ самихъ, въ нашей неопытности и мнительности.

Можетъ быть, посѣтуетъ читатель, что я такія мелочи заносу въ свою хронику. Но я изображаю и заносу на

хартію то, что пережило мною. Рѣшившись съ возможною полнотою описывать свою протекшую жизнь, насколько сохранились у меня воспоминанія о ней, я считаю себя не въправѣ опускать эти мелочи, когда онѣ дѣйствовали на расположение моего духа, и когда впечатлѣнія съ нихъ были такъ дѣйствительны, что и до сихъ поръ не могу забыть ихъ. И когда я переношусь мыслію къ тѣмъ временамъ я снова какъ бы переживаю ихъ, хотя и сознаю, что совершенно напрасны были мои опасенія.

Впрочемъ, не одна моя мнительность причиняла мнѣ безпокойство, когда я, робкій и неумѣлый, входилъ въ житейскія сношенія съ старшими сослуживцами, бывшими прежде моими наставниками. Былъ одинъ случай, когда я получилъ отъ одного изъ старшихъ сослуживцевъ дѣйствительную, и крупную непріятность, безъ особеннаго повода къ тому съ моей стороны. Это было на первомъ году моей службы, на именинахъ Памфила Даниловича Юркевича, который былъ 16 февраля. Незадолго предъ тѣмъ женившійся, онъ устроилъ пиршество для своихъ сослуживцевъ, на которое приглашенъ былъ и я. Во время пиршества, когда я стоялъ подлѣ стула, на которомъ сидѣлъ протоіерей Григорій Никифоровичъ Крамаревъ, этотъ Крамаревъ въ рѣзкой и грубой формѣ дѣлаетъ мнѣ замѣчаніе, повидному, личѣмъ не вызванное. Можетъ быть, онъ спросилъ меня о чемъ нибудь, но я не разслышалъ его вопроса. Вдругъ слышу отъ него: „вы до сихъ поръ не научились отвѣчать людямъ, когда васъ спрашиваютъ. Вы не умѣете нести себя въ обществѣ. Какъ вы руки держите?“ и при этомъ онъ беретъ мои руки, и показываетъ, какъ я долженъ держать ихъ. А я, признаюсь, держалъ ихъ просто, какъ другіе держатъ. Я сильно смущенъ и возмущенъ былъ этою выходкою Крамарева. Тотчасъ жѣ пошелъ въ переднюю, одѣлся и ушелъ съ пиршества, не попрощавшись съ именинникомъ, неся съ собою горькія чувства незаслуженной обиды. Замѣ-

тили мой поспѣшный уходъ съ пиршества гости Юркевича, но не знали, чѣмъ онъ вызванъ. По возвращеніи отъ Юркевича, первымъ приходитъ ко мнѣ Иванъ Игнатьевичъ Малышевскій и спрашиваетъ, что случилось, отъ чего я убѣжалъ отъ Памфила Даниловича. Я объясняю ему, въ чемъ дѣло. Онъ всплеснулъ руками и выразилъ свое удивленіе, по поводу грубости и безтактности Крамарева, и видя меня крайне встревоженнымъ, всячески старался успокоить меня. Приходили ко мнѣ и другіе выразить мнѣ свое сочувствіе, и при этомъ сообщали, что о поступкѣ Крамарева узналъ ректоръ и крайне изумленъ его выходкою, обидною для молодого члена академической корпораціи. Дней черезъ пять явился ко мнѣ самъ Крамаревъ, которому вѣролтно говорилъ кто нибудь, зачѣмъ онъ такъ сконфузилъ и оскорбилъ меня. Я пожелалъ его визитъ, какъ желаніе загладить то жесткое впечатлѣніе, которое онъ произвелъ на меня своимъ незаслуженнымъ грубымъ выговоромъ мнѣ. Но онъ не сдѣлалъ никакого намека на то, что, прискорбный для меня, случай, а только поговорилъ со мною по-пріятельски о разныхъ стороннихъ вещахъ, не имѣющихъ никакого отношенія къ тому, о чемъ напомнилъ мнѣ его присутствіе.

А я чувствовалъ себя послѣ этого случая очень дурно. Даже мнѣ приходила мысль оставить Академію и искать себѣ новаго мѣста службы. Могу ли я спокойно жить въ ней (такъ думалось мнѣ), когда мнѣ, какъ мальчишкѣ, въ собраніи говорятъ, что я не умѣю, какъ слѣдуетъ, ли говорить, ни рукъ держать? Пойду лучше въ село въ священники, тамъ отъ простыхъ людей я не буду слышать рѣзкихъ и обидныхъ замѣчаній. И на примѣтѣ у меня было такое мѣсто въ Кіевской губерніи. Помню, я писалъ, по поводу этого обстоятельства, своему брату, какія мысли бродятъ у меня въ головѣ, вслѣдствіе причиненной мнѣ непріятности. Моего намѣренія онъ, конечно, не могъ одобрить и совѣтовалъ мнѣ не придавать, значенія пустячнымъ не-

цамъ. Между прочимъ онъ указывалъ мнѣ одно средство, которымъ можно воспользоваться, чтобы въ собраніи, гдѣ случится бывать, не быть лишнимъ человѣкомъ, мозолящимъ глаза хозяину и гостямъ, — именно игру въ преферансъ, которая мнѣ была знакома, и этимъ средствомъ я впоследствии воспользовался.

Послѣ этого случая мое уклоненіе отъ посѣщенія общественныхъ собраній еще болѣе усилилось. Я даже не хотѣлъ ходить на официальные собранія, на которыя всѣ приглашались повѣстками. Ректоръ Антоній чрезъ Меевдія передавалъ мнѣ, что я напрасно уклоняюсь отъ собраній, на которыя меня приглашаютъ, и совѣтовалъ мнѣ не устраняться отъ общества. Совѣтъ ректора напоминалъ мнѣ замѣчаніе владимірскаго архіепископа Паренія, который дѣду моему настоятелю Вланиковскаго монастыря Ирипею поручилъ сказать мнѣ, что не хорошо бѣгать и уклоняться отъ общенія съ людьми.

Совѣтъ этотъ возымѣлъ свое дѣйствіе, впрочемъ, не самъ по себѣ, а по естественному ходу вещей. Периодъ моего одиночества не могъ долго продолжаться. Сила обстоятельствъ, когда мнѣ приходилось жить въ обществѣ, взяла свое и увлекла меня въ колею общественной жизни. Конечно, первые шаги были робкіе и нерѣшительные. Почти протлвъ воли я увлеченъ былъ въ семейно-общественную жизнь.

Первое семейство, гдѣ я былъ принятъ, и откуда началось мое вступленіе въ общественную жизнь, въ кругъ новыхъ знакомствъ, кромѣ тѣхъ людей, съ которыми я поставленъ въ служебныя отношенія, было семейство протоіерея Іоакима Игнатовича, когда-то бывшаго учителемъ въ старой Кіевской Академіи, а въ то время настоятеля церкви женскаго Флоровскаго монастыря. Сынъ его Павелъ Акимовичъ Игнатовичъ, донинѣ здравствующій, былъ старше меня курсомъ по Академіи, а въ то время, когда я начиналъ службу въ Академіи, состоялъ преподавателемъ Кіевской

Семинаріи. То было доброе и милое семейство, и я много обизванъ и благодаренъ ему за то, что оно послужило къ намѣненію моего настроенія, и положило начало тому перелому, послѣ котораго я пересталъ сторониться отъ общества. Но въ первый разъ я попалъ въ то семейство ненамѣренно и неожиданно для меня самого. На прогулкѣ, которую я совершалъ съ Иваномъ Игнатьевичемъ Малышевскимъ, мы встрѣтились съ Павломъ Акимовичемъ Игнатьевичемъ. Онъ присталъ къ намъ и потомъ пригласилъ насъ къ себѣ. Иванъ Игнатьичъ охотно принялъ его приглашеніе, не отказался отъ него и я. Но я думаю, что онъ приглашаетъ насъ въ свою квартиру (въ то время, кажется, онъ жилъ не въ домѣ своего отца, а имѣлъ особую квартиру въ зданіи семинаріи), а онъ между тѣмъ ведетъ насъ не туда, гдѣ онъ жилъ, а въ домъ, гдѣ жили его родные. Когда подходили мы къ этому дому, и чуть не убѣжалъ, но совѣстно было рѣшиться на такой поступокъ, и я вошелъ въ домъ, гдѣ меня прежде не видали и теперь не ждали, съ чѣмъ-то рымъ трелетомъ. Но адѣсь я встрѣтилъ такое вниманіе и такое радушіе какъ отъ самого отца Іоакима, такъ и отъ его дочерей, что отъ ихъ теплаго, любезнаго приѣма растаяла ледяная кора, за которою я хотѣлъ укрываться отъ общества. Они, можетъ быть, видѣли и слышали, что я дикарь, чуждающійся общества. Поэтому они съ благородною предупредительностію отнеслись ко мнѣ и съ такимъ тактомъ обращались со мною, что я сразу почувствовалъ себя въ этой, памятной мнѣ, семьѣ, какъ въ кругѣ давнихъ близкихъ моихъ знакомыхъ, и послѣ этого куда дѣвалась моя робость и застѣнчивость? Я заявилъ себя человѣкомъ довольно развитымъ и общественнымъ, знакомымъ съ свѣтскими приличіями. Послѣ этого нечаяннаго перваго визита я частенько началъ приходить въ это милое семейство, пользуясь приглашеніями Павла Акимовича, и каждый разъ выходилъ отъ него съ пріятнымъ чувствомъ.

Съ легкой руки Игнатовичевыхъ у меня постепенно сталъ расширяться кругъ моихъ знакомыхъ, привѣтливо принимавшихъ меня. Я безъ стѣсненія сталъ бывать у другихъ. У меня даже явилось желаніе, со временемъ болѣе укрѣпившееся, въ свободные дни останчить свою уединенную квартиру и часа два-три провести въ томъ или другомъ знакомомъ семействѣ. Моимъ руководителемъ въ этихъ похожденияхъ къ знакомымъ былъ Иванъ Игнатьичъ Малышевскій, на два года опередившій меня на службѣ въ Академіи. Съ нимъ имѣлъ обыкновенно мы дѣлали свои вечерніе визиты къ знакомымъ, иной разъ по приглашенію, другой разъ по нашему доброму расположенію. Но кругъ знакомыхъ Ивана Игнатьевича былъ значительно шире чѣмъ у меня, и я далеко не всюду слѣдовалъ за нимъ. Характеръ его былъ болѣе общительный, чѣмъ мой, и онъ скорѣе сближался съ людьми, чѣмъ я. Среди домашнихъ развлеченій, какія мы могли находить у знакомыхъ, для меня доступна была игра въ преферансъ, которая тогда преобладала въ академическомъ кружкѣ, и я съ охотою раздѣлялъ партію въ преферансъ, когда меня къ тому приглашали, что случалось довольно часто, когда мы являлись въ семейство знакомыхъ. Бывали танцевальныя вечера въ чинныхъ семействахъ. Но я танцевать не умѣлъ, и въ танцахъ никогда не принималъ участія. По этому нѣкоторые домохозяева устраивавшіе у себя по какому-либо случаю званый вечеръ съ танцами, меня не приглашали, или передавали мнѣ чрезъ Ивана Игнатьевича приглашеніе условное: пусть де придетъ и В. Федоровичъ, если будетъ танцевать. Конечно, такого условнаго приглашенія я не могъ принять.

Назову тѣ семейства, гдѣ мнѣ чаще другихъ приходилось бывать и быть любезно принятымъ. Послѣ семейства Игнатовича, чрезъ Константина Ивановича Сковцова, бакалавра нѣмецкаго языка въ Академіи, я вошелъ въ семейство Ивана Михайловича Сковцова, тогда кафедральнаго

протоіеря Кієво-Софійскаго собора и профессора университета святаго Владиміра. Здѣсь былъ другой тонъ, чѣмъ какой былъ въ семействѣ Игнатовича, и собиравось общество болѣе разнообразное. Въ виду этого, я, бывая въ этомъ семействѣ, вначалѣ чувствовалъ нѣкоторое стѣсненіе, но вскорѣ освоился съ своимъ положеніемъ и отогналъ отъ себя прежде безпокоившую меня мысль о томъ, что люди высшаго свѣтскаго тона могутъ замѣтить мою неловкость. Самъ Иванъ Михайловичъ, ведшій въ высшей степени регулярную жизнь, не долго сидѣлъ съ гостями, а предоставлялъ своимъ семейнымъ занимать ихъ. Константинъ Ивановичъ старался устроить партію въ преферансъ, и послѣ чаю и пріятной бесѣды мы проводили время за зеленымъ столомъ, играя по такому кушу, при которомъ нелзя было потерпѣть большаго урона. Въ этомъ семействѣ я нашелъ себя по-другу жизни, пофнчавшись съ нею на четвертомъ году своей службы, и мирно прожилъ съ нею болѣе сорока двухъ лѣтъ. (Она скончалась 18 февраля 1902 года).

Изъ академическихъ сослуживцевъ я перѣдко пропоздять время въ семействѣ Ивана Петровича Максимовича, Давида Александровича Подгурскаго и Василя Ивановича Добротворскаго, тогда бакалавра французскаго языка, впоследствии профессора богословія въ Харьковскомъ университетѣ. И здѣсь по вечерамъ было обычное скромное развлеченіе за зеленымъ столомъ, о которомъ я упоминалъ выше. Максимовичъ и Подгурскій, сравнительно съ другими, были болѣе гостепріимны, и у нихъ частенько собиравлась наша братія. А В. И. Добротворскій, съ перваго моего вступленія на службу въ Академію, относился ко мнѣ съ особенною симпатією, и этимъ привлекалъ меня къ себѣ.

Внѣшняя обстановка жизни и матеріальное обезпеченіе.

Первые четыре года, по вступленіи на службу, я жилъ на казенной квартирѣ, въ академическомъ корпусѣ, и

эту квартиру оставилъ, когда уступилъ лѣ семейную жизнь. Эта привилегія предоставлялась тогда всѣмъ молодымъ наставникамъ, если они были не женаты. При маломъ окладѣ жалованья, какое мы получали тогда, казенная квартира была значительнымъ подспорьемъ для насъ, при которомъ мы легче могли сводить концы съ концами, то есть, покрывать свои расходы тѣми деньгами, какія получали по штату. Квартиры были теплыя, просторныя, вполне удобныя.

Въ квартиры живущихъ въ академическомъ корпусѣ молодыхъ бакалавровъ весьма часто заходили профессоры, живущіе въ городѣ, когда приходили въ Академію на лекціи,—заходили предъ лекціями и послѣ лекцій,—заходили покурить и побесѣдовать. Эти посѣщенія бывали очень часты, и они могли отнимать у молодыхъ наставниковъ много времени, необходимаго для ихъ занятій и для приготовленія къ ихъ собственнымъ лекціямъ. Отъ этихъ посѣщеній могли пропадать всѣ утренніе часы, которыми мы дорожили. Чтобы сохранить для себя нужное утреннее время и не дать возможности овладѣть имъ непрошенымъ посѣтителемъ, Иванъ Игнатьевичъ Малышевскій ввелъ обычай запирается въ своей комнатѣ во время классныхъ занятій. Его примѣру послѣдовалъ и я. Толкнувшись въ дверь пришедшіе изъ города, и когда увидятъ, что она заперта, идутъ къ другому бакалавру, и у того, можетъ быть, такой же неблагопріятный пріемъ,—поворачатъ и уходятъ въ такое мѣсто, гдѣ они никому мѣшать не могутъ. А удобнаго мѣста для этого не было: сборной наставнической комнаты въ зданіи академіи не было. По необходимости приходящіе изъ города на лекцію наставники должны были искать пріюта себѣ въ тѣхъ квартирахъ, которыя предоставлены были въ зданіи Академіи молодымъ бакалаврамъ. Покосясь, порою тамъ на наше затворничество наши старшіе товарищи, но не могли не признать тѣхъ резоновъ, какими вызывалась наше, не со-

всѣмъ любезное отношеніе къ нимъ, и отсюда не возникало между нами никакихъ непріятностей.

Впрочемъ, наше затворничество было не полное: нельзя было держать постоянно двери на запорѣ. А какъ скоро дверь остается открытой, почти всегда безъ замедленія являются гости. Приходитъ одинъ, за нимъ другой, пожалуй, третій, и составляетъ пріятная компанія. При этомъ велись пріятельскія бесѣды; обмѣнивались сходящіеся впечатлѣніями, главнымъ образомъ отъ происшествій академической жизни; обсуждались вопросы, относящіеся къ учебной практикѣ; иной разъ поднимались оживленные споры по предметамъ научнаго свойства. Вообще время проводилось довольно пріятно, и нельзя сказать, чтобы проводилось не производительно. При томъ здѣсь, при этихъ посѣщеніяхъ, не мало скрѣплялось дружеское общеніе между товарищами и устанавливались добрыя отношенія между ними. Одна только была непріятность для меня отъ этихъ посѣщеній. Я человѣкъ не курящій; до сихъ поръ не выкурилъ ни одной папироски, и не понимаю ни нужды, ни удовольствія отъ куренія табаку. А заходили въ наши квартиры наставники, живущіе въ городѣ, главнымъ образомъ для того, чтобы покурить. И когда соберется нѣсколько курящихъ, иной разъ въ комнатѣ дымъ столбомъ стоитъ, и у меня, съ непривычки, отъ этого дыма болѣла голова.

Средства содержанія были очень скромныя, по нынѣшнимъ временамъ даже очень скудныя. Баккалаврскаго жалованья мы получали всего 321 рубль въ годъ. Только въ 1859 году, по ходатайству Митрополита Исидора, наше жалованье сравнено было съ окладомъ наставниковъ Петербургской Академіи, и мы стали получать вмѣсто 321 рубля, 429 рублей. И то не много. Но мы нужды не терпѣли, пользуясь казенною даровою квартирою. Тогда цѣны на все, потребное для домашняго обихода, были совершенно другія. Фунтъ мяса напримѣръ стоилъ всего 4 ко-

пѣйки, пара дыплатъ 15 копѣекъ, сажень дровъ 4 рубля. Соотвѣтственно съ этимъ цѣнились и другія вещи, которыя нынѣ вздорожали въ три, четыре раза противъ тогдашнихъ цѣнъ. Прислуга получала около двухъ, трехъ рублей и довольствовались такою платою. Мы съ Меодіемъ имѣли одного служителя, и платили ему по полтора рубля въ мѣсяцъ.

Столъ у насъ былъ очень хорошій, и обходился онъ намъ около пяти рублей въ мѣсяцъ. Обѣдъ готовилъ намъ особый поваръ, который прежде служилъ въ богатыхъ домахъ: онъ мастеръ былъ своего дѣла, имѣлъ только одинъ недостатокъ, по временамъ выплывалъ, безъ чего, по его словамъ, не можетъ обойтись ни одинъ поваръ. Поваръ занимался одианъ для всѣхъ наставниковъ, имѣющихъ квартиры въ академическомъ корпусѣ,—первѣе всего для монашествующихъ, а потомъ для свѣтскихъ... Монашествующихъ было сначала три,—инспекторъ Леонтій, Іоанникій, Меодій, въ 1857 году къ нимъ присталъ четвертый Сильвестръ... Заказывалъ обѣдъ кто нибудь одинъ изъ нихъ, по очереди. Самымъ скупымъ и разчетливымъ заказчикомъ былъ Іоанникій, и его сотрапезники, въ особенности Леонтій, были не довольны тѣми обѣдами, какіе готовились по заказу Іоанникія. Въ нижнемъ этажѣ, подлѣ монашеской кухни, то есть, подлѣ кухни, въ которой готовился постный, рыбный столъ, отведена была небольшая особая комната, которая служила столовою для монашествующихъ, гдѣ они каждый день сходились для обѣда.

Насъ свѣтскихъ столовниковъ было только двое,—я и Иванъ Игнатьичъ Малышевскій. Въ 1857 году къ намъ присталъ Матвѣй Михайловичъ Троицкій, впоследствии профессоръ Московскаго университета. Для насъ не было особой столовой комнаты. Мы обѣдали у одного изъ компаньоновъ, большею частію въ моей квартирѣ.

Для насъ свѣтскихъ въ скоромныя дни готовилась мясная пища. Но посты мы строго должны были соблюдать. Разъ Иванъ Игнатьичъ Малышевскій и Матвей Михайловичъ Троицкій позволили было себѣ вольность (къ нимъ не пристаѣть я), стали заказывать себѣ въ постныя дни скоромный обѣдъ. Узналъ объ этомъ ректоръ Антоній, призывалъ къ себѣ дерзнувшихъ нарушить церковный уставъ и сдѣлалъ имъ строгую нотацию, и они, волею или неволею, должны были подчиниться властному распоряженію начальника Академіи.

Мизерный бакалаврскій окладъ въ тѣ времена людямъ стороннимъ казался не малымъ. Когда, по окончаніи курса, я гостилъ въ Подоліи у родныхъ Чемыны, меня спрашивали, сколько я буду получать жалованья. Когда я сказалъ: триста рублей я буду имѣть казенную квартиру, это вознагражденіе вопрошавшимъ меня показалось очень щедрымъ, и они даже высказывали замѣчаніе, куда я, одинокій человѣкъ, буду дѣвать такія большія деньги.

Мы, впрочемъ, не оставались при одномъ бакалаврскомъ окладѣ, и получали равныя воспособленія къ нимъ. Первое воспособленіе составлялъ магистерскій окладъ. Въ прежнее время каждому, получившему степень магистра въ Академіи, пока онъ состоялъ на духовной или духовно-учебной службѣ, ежегодно выдавалось сто рублей. Выдача денегъ производилась по утвержденіи Св. Синодомъ кончившаго курсъ въ степени магистра, но не со дня утвержденія въ степени, а со дня окончанія курса или вступленія въ должность. А такъ какъ утвержденіе въ степени замедлялось на годъ, полтора, даже два года, то по утвержденіи въ степени приходилось сразу получать магистерскій окладъ за два года. Мы, студенты XVII курса, утверждены въ степеняхъ чрезъ полтора года, по окончаніи курса, и потому намъ сразу выдали магистерскій окладъ за два года.

Получивъ сразу двѣсти рублей, мы считали себя чуть не богачами и дѣйствительно не знали, куда деньги дѣвать.

Другимъ воспособленіемъ служило занятіе какой-либо побочной должности въ академіи. Для молодыхъ наставниковъ, живущихъ въ корпусѣ, пригодилась особенно должность помощника инспектора, и ее поручали тому или другому изъ молодыхъ бакалавровъ не съ тѣмъ, чтобы обременять его новыми занятіями, а съ тѣмъ, чтобы дать пособіе или дополненіе къ его содержанію. Оплачивалась эта должность сто четырнадцатью рублями, и на нее смотрѣли какъ на синекуру. Другимъ поручалось преподаваніе французскаго или нѣмецкаго языка, за что тоже давалось вознагражденіе, и это преподаваніе не удерживалось за однимъ, а передавалось отъ одного къ другому, въ видахъ болѣе равномернаго распредѣленія добавочнаго вознагражденія между всѣми наставниками. Были еще побочныя должности, поручаемыя наставниками Академіи за особое вознагражденіе,—должность секретаря конференціи и Правленія и его помощника, бібліотекаря и его помощника. Особыхъ лицъ на эти должности не полагалось, да и трудно было найти особыхъ кандидатовъ на эти должности за тотъ небольшой окладъ, какой за нихъ полагался по штату. По необходимости должны были брать на себя эти должности наличные наставники, и они съ охотою несли эти обязанности, получая за это немалое дополненіе къ своему основному содержанію. Но эти должности занимали большею частію старшіе профессора, и разъ занявъ ту или другую должность, они уже не выпускали ея изъ своихъ рукъ.

Я лично на второй годъ своей службы получилъ добавочную должность помощника инспектора и держалъ ее за собою три года, отъ 16 октября 1856 года по 20 ноября 1859 года. Оставить ее я долженъ былъ, когда, женившись, долженъ былъ перебраться изъ казенной квартиры въ корпусѣ въ наемную квартиру въ городѣ. Живущему на квар-

тиръ въ городѣ неудобно было исполнять обязанности помощника инспектора. Но когда я вышелъ на наемную квартиру, мнѣ назначено было квартирное пособіе изъ духовно-учебныхъ капиталовъ, въ количествѣ 114 рублей. Далѣе послѣ я нѣсколько лѣтъ преподавалъ въ академіи нѣмецкій языкъ, что не мало увеличивало мои ресурсы.

Третье воспособленіе давалъ журналъ „Воскресное Чтеніе“, издаваемый при Академіи. Для изданія журнала нужны были работники, трудъ которыхъ долженъ быть оплачиваемъ. Были нѣкоторыя платныя должности, которыя предоставлялись наставникамъ академіи. Кромѣ главнаго редактора, какимъ обязательно былъ ректоръ, былъ помощникъ редактора, былъ секретарь или дѣлопроизводитель, принимавшій подписку и завѣдывавшій расчѣлкою номеровъ журнала, былъ корректоръ. Переходною должностію, переходившею отъ одного къ другому, была главнымъ образомъ должность дѣлопроизводителя редакціи. Она доставляла занимающему ее около двухъ сотъ рублей. Считали несправедливымъ на долгое время предоставлять такое восспособленіе неизмѣнно одному наставнику. Потому дѣлопроизводители почти ежегодно мѣнялись, чѣмъ достигалось болѣе или менѣе равномерное распредѣленіе между наставниками существующихъ при Академіи пособій. Мнѣ впрочемъ ни разу не пришлось занимать должность дѣлопроизводителя редакціи. Очередь не дошла до меня. А потомъ, когда по преемственному порядку мнѣ можно было получить эту должность, послѣ основанія Трудовъ Академіи, я принялъ на себя или мнѣ поручили должность редактора новооснованнаго при Академіи учено-литературнаго журнала.

Но прямѣе наставники могли доставить себѣ финансовое восспособленіе литературнымъ сотрудничествомъ въ журналѣ, то есть, доставленіемъ статей для напечатанія ихъ въ Воскресномъ Чтеніи. Когда Воскресное Чтеніе издавалось одно при Академіи, то есть, до основанія Трудовъ Академіи,

оно давало очень хорошій гонораръ сотрудникамъ; случалось, оно платило по 80 рублей за печатный листъ. Журналъ для назидательнаго чтенія, какимъ было Воскресное Чтеніе, всегда находилъ больше читателей и лучше расхodziлся, чѣмъ журналъ ученаго характера, статьи котораго не для всякаго доступны и занимательны.

Большая или меньшая мѣра вознагражденія, получаемаго отъ журнала, зависѣла отъ большаго или меньшаго усердія каждаго наставника, то есть отъ большаго или меньшаго участія въ журналѣ. Кто больше представлялъ статей для напечатанія въ журналѣ, тотъ получалъ и большій гонораръ. Различія въ платѣ за статьи не было никакого: гонораръ измѣряли только количествомъ печатныхъ листовъ. Сотрудниками журнала считались все наставники, но многіе изъ нихъ, въ особенности изъ старыхъ, не принимали никакого участія въ изданіи Воскреснаго Чтенія. Статьи и желавшихъ быть ближайшими сотрудниками журнала не все удостоивались печати; инныя статьи долго лежали въ портфели редакціи, а потомъ или возвращались авторамъ или оставались въ редакціи заброшенными. Размѣры журнала были небольшіе. Журналъ былъ еженедѣльный, то есть, выходило всего 52 №, по числу недѣль года, и каждый номеръ былъ всего въ одинъ печатный листъ, рѣдко къ печатному листу присоединялось небольшое добавленіе. При такомъ размѣрѣ журнала нельзя было помѣстить въ немъ весь матеріалъ, поставляемый въ редакцію. Отсюда происходили неудовольствія тѣхъ авторовъ, статьи которыхъ оставались навсегда или долгое время ненапечатанными. Но редакція въ правѣ была печатать лучшее и отлагать въ сторону такія статьи которыя представлялись ей мало интересными или не особенно тщательно обработанными.

И началъ участвовать въ Воскресномъ Чтеніи, то есть, представлять статьи въ редакцію для напечатанія въ жур-

нанъ во второй годъ своей службы, и съ тѣхъ поръ изъ года въ годъ, продолжалась моя литературная дѣятельность. Могу засвидѣтельствовать, что ни одна изъ моихъ статей не была забракована,—ни одна ни осталась не напечатаною. Редакція съ перваго раза съ охотой принимала и печатала мои статьи. И впрочемъ въ первые годы своей службы не могъ много трудиться для журнала. Все мое время занято было всецѣло приготовленіемъ къ лекціямъ и изученіемъ того предмета, преподавать который мнѣ было поручено. Первая моя статья, помѣщенная въ Воскресномъ Чтеніи (т. XXV [1856 — 1857] №№ 31—32), озаглавливалась такъ: „Владычество-человѣка надъ неразумною тварью“. Затѣмъ въ т. XXI слѣдовали статьи: „Образцовый возрастъ въ жизни человѣческой“ (№ 19), „Духъ нынѣшняго времени, по отзыву одного западнаго писателя“ (№ 19), „Для чего при молитвѣ мы осѣняемъ себя крестнымъ знаменіемъ?“ (№ 50)... Но въ одномъ Воскресномъ Чтеніи я принималъ участіе въ первые годы своей службы. Въ Русской Бесѣдѣ за 1859-й годъ напечатана была моя статья¹⁾: „Недостаткъ и потребность современнаго естествознанія“, которая заслужила особенную похвалу отъ А. С. Хомякова. За эту статью я, помнится, получилъ 118 рублей, при любезномъ письмѣ И. С. Аксакова. Къ улучшенію моего финансоваго положенія не мало послужила денежная награда (въ 429 рублей), какой я былъ удостоенъ въ 1859 году по представленію митрополита Исидора, тогда ревизовавшаго Академію. Такую же награду вмѣстѣ со мною получили профессора Поспѣховъ и Фаворовъ. Съ тѣхъ поръ послѣ насъ уже никто не получалъ отъ Св. Синода денежной награды. При ука-

¹⁾ Статья готовилась для новаго ученаго журнала, предполагаемаго къ изданію Академіею.

занныхъ условіяхъ матеріальнаго обезпеченія, намъ жилось безопасно. Поступивъ на службу, я поставилъ себѣ правиломъ никогда ни у кого не брать денегъ въ долгъ, а соразмѣрять свои расходы съ доходами, и этого правила держался до позднѣйшихъ дней своей жизни. Разъ только я отступилъ отъ этого правила, при самомъ началѣ своей самостоятельной жизни, по окончаніи курса. По вступленіи на службу, мнѣ необходимо было соорудить теплую шинель, какія тогда носили. Стоимость шинели, по условію съ портнымъ, была 25 рублей. Чтобы не быть должнымъ портному, Иванъ Игнатьевичъ посовѣтовалъ мнѣ обратиться за одолженіемъ къ ректору: онъ де самъ такъ поступалъ, когда на первыхъ порахъ ему оказались нужными деньги. Слѣдуя его совѣту, я дѣйствительно обратился къ ректору съ указаніемъ своей нужды. Не успѣлъ я вымолвить своей просьбы, какъ онъ даетъ мнѣ 25 рублей. Я поблагодарилъ его за его щедрое пособіе, и потомъ, оправившись съ своими дѣлами, поспѣшилъ возвратить ему то, чѣмъ онъ снабдилъ меня для покрытія своей неотложной нужды.

Какъ ни мизерно было, на нынѣшній взглядъ, содержаніе, получаемое бакалаврами въ старые годы, я не проживалъ всего, что получалъ. Литературный гонораръ, на примѣръ не расходывался мною на текущія нужды, а былъ обращаемъ въ запасной капиталъ.

Порядокъ моей жизни. Предложеніе мнѣ принять монашество.

Мирно протекали дни мои въ первые годы моей службы, при постоянныхъ занятіяхъ научнымъ дѣломъ. Къ знакомымъ выходилъ я рѣдко, особенно въ первые два года, по окончаніи курса, а большею частію сидѣлъ дома въ своей квартирѣ, позволяя себѣ только ежедневную прогулку въ опредѣленный часъ дни, по Александровской улицѣ и

шоссейной дорогѣ, что дѣлалъ еще будучи студентомъ. Въ будущее я не простирался своими помыслами, весь погруженный въ заботы о настоящемъ. А настоящее требовало отъ меня усиленнаго книжнаго труда, и предъ этимъ требованіемъ совершенно отступали на задній планъ всѣ другія пожеланія. Въ это время мирнаго и спокойнаго труда мнѣ представлено было со стороны академическаго начальства предложеніе, которое не мало возволновало, и внесло въ мой внутренній міръ, всецѣло занятый наукой и одною наукою, новую, немало безпокоящую меня стихію,— предложеніе поступить въ монахи. Предложеніе это сдѣлано было мнѣ на второмъ году моей службы, ректоромъ Антоніемъ. Въ 1857 году я собрался съѣздить на родину и повидаться тамъ съ своими родными. Узнавъ объ этомъ, ректоръ Антоній, при свиданіи со мною говоритъ мнѣ: „пора вамъ опредѣлить для себя путь жизни своей: самый подходящий для васъ путь монашество; вступивъ на этотъ путь, вы послужите церкви Божіей, и болѣе принесете пользы, чѣмъ тогда, когда выберете другой путь жизни. Побдите на родину, посоветуйтесь съ родными, и испросивъ ихъ согласіе, съ Божіей помощію и съ благословенія церкви слѣдуйте моему совѣту“. Выслушавъ также предложеніе ректора, я ни слова не сказалъ ему, но пришедъ домой, задумался и испытывалъ тяжелое волненіе чувствъ. Путешествіе на родину разсѣяло меня, и новыя впечатлѣнія во время его отвлекли мои мысли отъ рѣшенія того вопроса жизни, который задалъ мнѣ ректоръ. На родинѣ я сообщилъ о предложеніи ректора принять монашество только одному ближайшему родственнику—брату, бывшему тогда преподавателемъ Владимірской семинаріи. Братъ мой безъ особеннаго сочувствія выслушалъ рассказъ мой объ этомъ и не вошелъ въ обсужденіе того, хорошо ли я сдѣлаю, если послѣдую совѣту ректора. Разъ поговоривъ объ этомъ, и не при-

шедши ни къ какому рѣшительному заключенію, мы потомъ въ своихъ бесѣдахъ не поднимали этого вопроса. Когда я явился къ ректору послѣ возвращенія съ родины, ректоръ не повторилъ мнѣ своего прежняго предложенія, и никакого намека не сдѣлалъ на то, обдумалъ ли я то, о чемъ онъ говорилъ прежде, и совѣтовался ли объ этомъ съ родными. Дѣло о принятіи мною монашества, казалось, оставлено было, и я, не рѣшавшійся сдѣлать важный и безповоротный шагъ въ жизни, успокоился и пересталъ думать о сдѣланномъ мнѣ предложеніи... Но чрезъ нѣсколько времени, послѣ моего возвращенія съ родины, ко мнѣ началъ ходить Іоанникій, тогда молодой бакалавръ, жившій въ одномъ корпусѣ со мною, и конечно, съ разрѣшенія и по указу ректора, настойчивыми убѣжденіями началъ склонять меня къ принятію монашества. Антоній просто и кратко сдѣлалъ мнѣ свое предложеніе, не прибѣгая къ особымъ средствамъ убѣжденія. А Іоанникій приводилъ въ дѣйствіе всю силу своей діалектики, и разными доводами, то чисто духовнаго, идеальнаго свойства, то матеріальнаго, житейскаго, старался склонить меня избрать путь, мнѣ указываемый. Бесѣды его со мною по вечерамъ иногда длились по нѣсколькимъ часамъ. Между прочими доводами онъ предуказывалъ мнѣ быстрое возвышеніе по степенямъ іерархической лѣстницы. Инспекторомъ академіи рѣ ближайшее время (говорилъ онъ) конечно будете вы, а не Мееодій, мой товарищъ бакалавръ, принявшій иночество во время студенчества. Проводилъ я иногда безсонныя ночи послѣ длинныхъ бесѣдъ съ Іоанникіемъ. Переживъ не короткій періодъ волненій, я, не увлекаясь видами честолюбія, предалъ судьбу свою волѣ Божіей, и эта воля Божія, сплетеніемъ разныхъ обстоятельствъ, указала мнѣ иной, болѣе скромный путь, на которомъ я всего себя посвятилъ Академіи, послуживъ не безъ пользы для нея и для науки болѣе пятидесяти лѣтъ.

Путешествіе на родину.

Я упомянулъ о путешествіи изъ Кіева на родину, которое я предпринималъ въ вакацію 1857-го года. Стоитъ поговорить объ этомъ путешествіи нѣсколько подробнѣе, насколько сохранились въ моей памяти обстоятельства, относящіеся къ этому путешествію. Это путешествіе я предпринималъ въ первый разъ, послѣ выѣзда изъ Владиміра. Во время студенчества я никуда не выѣзжалъ изъ Кіева, не былъ на родинѣ и въ первые два года своей службы, хотя мнѣ очень хотѣлось побывать въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ протекли мое дѣтство и юность и повидаться съ родными и прежними знакомыми. Я по неволѣ долженъ былъ воздерживаться до времени отъ желаннаго путешествія, частію по недостатку денежныхъ средствъ, потребныхъ на дорогу, частію по тѣмъ затрудненіямъ, съ какими тогда соединено было путешествіе. Тогда не было желѣзныхъ дорогъ, и не было той легкости передвиженія, какая нынѣ существуетъ при желѣзныхъ дорогахъ. Отъ Кіева до Владиміра болѣе тысячи верстъ, и это большое разстояніе нужно было переѣзжать на почтовыхъ лошадахъ и на перекладныхъ телѣгахъ, и нельзя было такъ скоро переѣхать это разстояніе, какъ это дѣлается нынѣ по желѣзной дорогѣ: пожалуй приходилось тащиться на перекладныхъ цѣлую недѣлю. Для того, чтобы не было задержки на станціяхъ по недостатку лошадей, нужно было запасаться подорожною по казенной надобности или искать компаніона съ такою подорожною... Когда я въ 1857 году собирался на родину, мнѣ случайно попался такой компаньонъ,—одинъ преподаватель Подольской семинаріи, по своему желанію переведенный въ Иркутскую семинарію, соблазненный на переходъ туда порядочными прогонами на дорогу и нѣкоторыми привилегіями службы въ далекой Си-

бири. Запелъ онъ въ Академію, въ которой прежде учился, и искалъ „будущаго“ пассажира, съ которымъ бы вмѣстѣ могъ проѣхать до Москвы, чтобы не одному платить за почтовыхъ лошадей, а половину расходовъ возложить на этого „будущаго“. Я заявилъ ему о своемъ желаніи ѣхать въ Москву и далѣе во Владиміръ. Къ взаимному удовольствію, мы еговорились ѣхать до Москвы, гдѣ онъ имѣлъ остановиться на нѣсколько дней, вмѣстѣ по его подорожной, и ему пріятно было въ будущемъ (подорожная дана была на двѣ лошади съ будущимъ пассажиромъ) имѣть на дорогѣ своего брата, близкаго ему по академическому воспитанію и по роду службы.

Ѣхали мы не торопясь. Намъ, привыкшимъ нынѣ ѣздить въ удобныхъ вагонахъ желѣзной дороги, трудно представить тѣ неудобства, какія испытывали путешественники, переѣзжающіе тысячи верстъ на тряскихъ открытыхъ почтовыхъ телѣжкахъ по пыльной дорогѣ, принужденные при томъ на каждой станціи пересаживаться съ своею поклажею изъ одной телѣжки въ другую. Мягкой подкладки подъ сидѣнье въ почтовыхъ телѣгахъ не полагалось. Но мы легко мирились съ этими неудобствами, видя ихъ неотвратимую необходимость. Чтобы имѣть удобный экипажъ на такое большое разстояніе, какое намъ предстояло, для этого нужны были большія деньги; а ими мы не располагали.

Въ большихъ городахъ мы дѣлали остановки частію для отдыха отъ утомительнаго пути, частію для свиданія съ знакомыми. Первая, двухдневная, остановка была у насъ въ Орлѣ, гдѣ у меня, какъ у моего спутника, было нѣскольکو товарищей по Академіи. Изъ моихъ товарищей по Академіи на службѣ въ семинаріи здѣсь были: Алексѣй Ивановичъ Поморцевъ, бывшій председателемъ нашего дружескаго студенческаго общества, почтенный, при окончаніи курса и разлукѣ съ товарищами, титуломъ „незабвеннаго и предостойнаго“, съ дарованіемъ ему особаго диплома и ме-

дали, Владиміръ Кудрявцевъ, съ особеннымъ усердіемъ занимавшійся въ Академіи математикою, и Макарій Трифоновичъ Троицкій, въ которомъ мы въ студенчествѣ чаяли видѣть монаха, но который въ это время былъ уже священникомъ и семейнымъ человекомъ. Было еще нѣсколько знакомыхъ изъ старшаго, предшествоващаго нашему, курса. Они приняли меня съ распростертыми объятіями, и почти ни на минуту не отпускали меня отъ себя. Дружно жили мы, когда были студентами и находились подъ одною кровлею, и теперь, когда свидѣлись послѣ двухлѣтней разлуки, чувство дружбы заговорило въ насъ съ особенною силою. Съ отраднымъ чувствомъ вспоминали мы недавніе студенческіе годы, когда такъ спокойно и пріятно жились намъ въ Академіи, вспоминали многихъ изъ своихъ товарищей и дѣлились свѣдѣніями о тѣхъ перемѣнахъ, какія послѣдовали въ судьбѣ того или другого изъ нихъ, дѣлились новыми впечатлѣніями, какихъ накопилось много у каждого изъ насъ въ теченіе двухъ лѣтъ по окончаніи курса. Я пріѣхалъ въ Орелъ 28 іюня. 29 іюня, въ день Петра и Павла, я былъ вмѣстѣ съ своими товарищами на литургіи въ семинарской церкви. Послѣ литургіи я, вмѣстѣ съ Поморцевымъ и Кудрявцевымъ, былъ у ректора семинаріи Фотія (который въслѣдствіи занималъ должность цензора) и у инспектора, тогда іеромонаха, Іонаана, въслѣдствіи архіепископа ярославскаго и ростовскаго. Оба они приняли меня весьма любезно. Особенно продолжительна и душевна была у насъ бесѣда съ инспекторомъ Іонааномъ, у котораго я пилъ чай.

Другая остановка была въ Тулѣ. Здѣсь тоже были два моихъ товарища,—Филиппъ Егорычъ Вогоявленскій (въслѣдствіи Никонъ, епископъ туркестанскій), съ которымъ я былъ близокъ въ Академіи, и пользовался его особеннымъ сочувствіемъ и Александръ Іонычъ Никольскій. Нашелъ я въ Тулѣ третьяго товарища, но не по Академіи, а по семинаріи, Василя Григорьевича Любомудрова. Тулякъ родомъ,

онѣ учился во Владимірской семинаріи, потому что во Владимірской семинаріи былъ преподавателемъ математики его родной братъ Иванъ Григорьячъ Любомудровъ, перешедшій изъ семинаріи въ Муромъ въ смотрители духовнаго училища. Приятно было мнѣ и здѣсь видѣться съ своими товарищами, какъ и въ Орлѣ, и тульскіе мои товарищи были ко мнѣ также предупредительны и любезны, какъ и орловскіе. Съ Филиппомъ Егорычемъ Богоявленскимъ я былъ у преосвященнаго Димитрія Муретова, прежде ректора кievской Академіи, впоследствии архіепископа одесскаго. Я сочелъ долгомъ поклониться преосвященному Димитрію о которомъ въ Академіи осталась славная память, и передать ему, что оставленная имъ Академія хранитъ о немъ благодарную память и поручила мнѣ выразить предъ нимъ чувства самаго глубокаго уваженія. Приемъ былъ самый любезный; видно было, что членъ кievской Академіи, хотя младшій, лично неизвѣстный ему, принимается имъ, какъ родной, по живой связи его съ Академіею, на службѣ которой протекли лучшіе годы его жизни. Изъ бесѣды съ нимъ мнѣ припоминается очень строгій и суровый отзывъ его о раскольникахъ (не помню, по какой ассоціаціи представленій зашла рѣчь объ этомъ). Расколъ, по его словамъ, великое, ужасное зло не для церкви только, но и для государства. Указываютъ иные на патріотическія чувства, питаемые и проявляемые раскольниками. Какой можетъ быть патріотизмъ у людей, которые хотятъ видѣть въ Государѣ воцарившагося антихриста, и правительство его считаетъ правительствомъ антихристовымъ?...

Былъ я и у ректора тульской семинаріи Никандра, впоследствии архіепископа тульскаго, который просилъ меня посѣтить его на обратномъ пути, когда я буду возвращаться въ Кіевъ. Онъ между прочимъ сообщилъ мнѣ, что они нынѣ отправляютъ въ кievскую Академію очень способнаго студента Владимірскаго-Буданова, на котораго онъ возна-

гаютъ особыя надежды. Владимірій-Будановъ оправдалъ надежды ректора, въ теченіе академическаго курса былъ въ числѣ самыхъ первыхъ студентовъ, но предъ самымъ окончаніемъ академическаго курса, по стеченію особыхъ обстоятельствъ, вышелъ изъ академіи въ университетъ, и нынѣ состоитъ профессоромъ университета св. Владиміра, пользуясь славою ученаго мужа и одного изъ самыхъ даровитыхъ профессоровъ.

Третія остановка была въ Москвѣ, гдѣ я расстался съ своимъ спутникомъ, по дорожной котораго ѣхалъ изъ Кіева до Москвы. О пребываніи въ Москвѣ въ этотъ разъ, мало сохранилось у меня воспоминаній. Здѣсь тоже оказался мой близкій пріятель, мой товарищъ по семинаріи Алексѣй Ивановичъ Цвѣтковъ, окончившій курсъ въ московской Академіи, тогда преподаватель, а впоследствии инспекторъ Московской семинаріи. Когда я учился въ семинаріи, въ послѣдній годъ имѣлъ въ немъ самого близкаго себѣ товарища, сидѣлъ съ нимъ въ классѣ большею частію рядомъ, и когда кончались послѣбѣденыя классы, мы вмѣстѣ возвращались домой, я въ бурсу, а онъ на свою квартиру, которая была на половинѣ пути между семинаріею и бурсою, и онъ весьма часто приглашалъ и заводилъ меня къ себѣ, чтобы угостить меня чаемъ. Большое удовольствіе намъ обоимъ доставило наше личное свиданіе, для него неожиданное, и впечатлѣніе, вынесенное мною изъ этого свиданія, закрыло въ моей памяти всѣ другія впечатлѣнія, полученные мною въ Москвѣ.

Бывши въ Москвѣ, я счелъ долгомъ побывать въ Троицко-Сергіевской лаврѣ и въ московской Академіи. Прибывъ въ Сергіевъ посадъ, я прежде всего поклонился святымъ, находящейся въ лаврѣ, а потомъ отправился въ Академію; на пути туда встрѣтился мнѣ студентъ-землякъ, который зналъ меня, когда я учился въ семинаріи. Онъ вызвался быть моимъ руководителемъ и показанъ мнѣ зданія

Академіи. Визиты я сдѣлалъ первѣе всего ректору Евгенію, впоследствии епископу симбирскому, и инспектору Сергію, впоследствии митрополиту московскому. У ректора Евгенія была рѣчь о Леонтіи, изъ инспекторовъ кіевской академіи, переведенномъ на должность ректора владимірской семинаріи. Во Владимірѣ Леонтій былъ всего десять мѣсяцевъ, но владимірцамъ чрезвычайно понравился, и объ немъ отсюда шли восторженные отзѣвы; доходили они и до московской Академіи, и здѣсь недоумѣвали, чѣмъ въ такое короткое время могъ заслужить такое необычайное вниманіе ректоръ Леонтій, уже въ то время переведенный въ Новгородъ. Это недоумѣніе высказывалъ предо мною и ректоръ Академіи Евгений. Онъ объяснялъ необычайныя похвалы владимірцевъ Леонтію тѣмъ, что его предшественникъ (Платонъ, впоследствии архіепископъ костромской) слишкомъ круто и рѣзко воль дѣло и возбудилъ противъ себя почти всеобщее неудовольствіе. Новый ректоръ послѣ него, прямой, добрый и гуманный, естественно долженъ былъ поправиться тяготившимся жестокимъ управленіемъ Платона.

Изъ наставниковъ Академіи посѣтилъ я Егора Васильича Амфитеатрова, который въ московской Академіи занималъ ту же кафедру, какую я въ кіевской, и жившаго съ нимъ въ одномъ домѣ Виктора Дмитріевича Кудрявцева. У Амфитеатрова, какъ опытнаго преподавателя, пользовавшагося заслуженною популярностію, я просилъ совѣта, какъ лучше поставить дѣло преподаванія порученной намъ науки, и онъ обмѣнялся со мною нѣкоторыми указаніями, какія подсказывала ему его опытность.—Егоръ Васильичъ былъ такъ любезенъ, что сдѣлалъ распоряженіе, по праву секретаря Конференціи и Правленія, чтобы мнѣ дали экипажъ, на которомъ я могъ бы съѣздить въ Визанію и въ скитъ.

Изъ Москвы до Владиміра я нанялъ вольнаго ямщика и ѣхалъ въ крытомъ просторномъ тарантафѣ. Ямщикъ, по договору со мною, посадилъ ко мнѣ двухъ, незнакомыхъ мнѣ, случайныхъ сѣдоковъ. Я согласился на это, въ

виду уменьшеніи платы за дорогу: если бы я ѣхалъ одинъ, мнѣ пришлось бы гораздо больше заплатить ямщику, чѣмъ сколько заплатилъ я, когда плату за дорогу раздѣляли со мною попавшіеся случайные сѣдоки. Но они меня не стѣсняли: экипажъ былъ очень просторный. Ёхать въ крытомъ просторномъ тарантасѣ было гораздо удобнѣе, чѣмъ на перекладныхъ тряскихъ почтовыхъ телѣжкахъ. Но эти удобства не могутъ идти въ сравненіе съ нынѣшними удобствами, когда вы ѣдете въ вагонѣ желѣзной дороги.

Какъ же встрѣтила меня родина? И что я испытывалъ, когда приближался къ ней послѣ шестилѣтняго отсутствія, и увидѣлъ снова знакомыя поля, горы и доли, и когда снова ходилъ по тѣмъ улицамъ, которыя такъ знакомы были прежде, но въ то время не возбуждали во мнѣ никакого особеннаго симпатическаго чувства? Трудно передать словами тѣ чувства, какія я переживалъ тогда, то пріятное волненіе, какое овладѣвало моею душою, при взглядѣ на старыхъ безмолвныхъ свидѣтелей моей юности, доставляя ей ощущеніе какой-то неизъяснимой сладости. Правду сказалъ поэтъ: и дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ. Мнѣ не особенно привольно жилось на родинѣ въ дѣтствѣ и юности: на мою долю досталось больше горя, чѣмъ радости. Но тѣмъ не менѣе лпнулъ и ткнулся я къ своей родинѣ, какъ къ своей матеря, я чувствовалось мнѣ, что безмолвная природа, такъ привѣтливо встрѣчающая меня, принимаетъ меня, какъ своего роднаго питомца. Пріятныя чувства родственной связи съ природою, среди которой протекли первые годы моей жизни, я переживалъ и испытывалъ, когда подъѣзжалъ къ Владимиру и вступилъ въ него, потомъ другой разъ, когда подъѣзжалъ къ Мурому, гдѣ учился въ духовномъ училищѣ, и третій разъ, когда подъѣзжалъ къ Васильевскому погосту, гдѣ я увидѣлъ свѣтъ, и гдѣ вспоминались мнѣ теперь радости и горести моего дѣтства.

Если мнѣ пріятно было видѣть нѣмую природу, среди которой протекали дни моего дѣтства и моей юности, и снова войти съ нею въ непосредственное соприкосновеніе, то тѣмъ пріятнѣе были встрѣчи съ живыми людьми, старыми знакомыми, съ которыми я могъ дѣлиться чувствами и пережитыми нами впечатлѣніями. У всѣхъ прежнихъ знакомыхъ я встрѣтилъ такое вниманіе, какого не ожидалъ, и какого, можетъ быть, не заслуживалъ. Имя и званіе бакалавра, какое я носилъ, слишкомъ громко звучало въ провинціи, и я, новичокъ на научно-педагогическомъ поприщѣ, робкій и довольно смиренный въ своемъ сознаніи, встрѣчаемъ былъ всюду съ такимъ почетомъ, который заставлялъ меня конфузяться и приходилъ въ смущенію. Такъ относились ко мнѣ, какъ будто я былъ выходцемъ изъ другого высшаго міра. Когда потомъ я входилъ въ болѣе близкое общеніе съ своими прежними товарищами и знакомыми, они вспоминали наши прежнія отношенія и говорили мнѣ: да вы такой же, какимъ были прежде. А мы думали, что вы совершенно измѣнились, и стоя на такой высотѣ, на какой поставлены, такъ возгордились, что къ вамъ доступу нѣтъ и что съ вами нельзя обращаться, какъ съ своимъ братомъ.

Я собственно пріѣзжалъ къ брату своему, бывшему тогда преподавателемъ владимірской семинаріи, нынѣ протоіерею церкви Гребневской Божіей Матери въ Москвѣ,—своему ближайшему родственнику. Онъ тогда былъ уже семейнымъ человекомъ,—женился на сестрѣ Петра Ивановича Остроумова, бывшаго директоромъ Хозяйственнаго Управленія при Св. Синодѣ, потомъ товарищемъ оберъ-прокурора Св. Синода, нынѣ сенатора, и жилъ въ домѣ тещи своей. Мнѣ желательно было познакомиться съ новыми родными, и это знакомство доставило мнѣ большое удовольствіе. Петръ Ивановичъ тогда былъ въ философскомъ классѣ, и чрезъ два года (въ 1859 году) посланъ былъ на казенный счетъ въ кіевскую Академію, и, будучи въ Академіи,

очень часто бывалъ у меня, какъ своего родственника. Съ вѣзитами у меня, когда я жилъ у брата перебивала чуть не все владимірская знать, имѣющая какое-либо отношеніе къ духовному вѣдомству. Но я почти все время проводилъ въ обществѣ брата и его новыхъ родныхъ, изрѣдка бывая кой-гдѣ, по приглашенію моихъ старыхъ знакомыхъ и знакомыхъ моего брата. Съ братомъ вмѣстѣ ѣздили мы въ Вязники, на могилу нашего дѣда, іеромонаха Иринея, бывшаго настоятелемъ вязниковскаго Благовѣщенскаго монастыря, который былъ нашимъ попечителемъ послѣ смерти отца и матери, потомъ въ Муромъ и Васильевскій погостъ, на могилу нашего отца, а оттуда въ Верхозерье къ своему дядѣ священнику села Верхозерья, на могилу нашей матери. Въ Верхозерьи у своего дяди, священника Петра Ивановича Смирнова, мы встрѣтили особенную предупредительность и заботливость; за нами ухаживали, какъ за самыми дорогими гостями, — и тому было двѣ причины. Во первыхъ, сынъ его Михаилъ Петровичъ Смирновъ назначенъ былъ въ кіевскую Академію, вмѣстѣ съ Ильею Тихоновичемъ Экземплярскимъ, впоследствии архіепископомъ варшавскимъ Геронимомъ. Поэтому во мнѣ, какъ наставникѣ кіевской Академіи, хотѣли видѣть покровителя ѣдущему въ Академію моему двоюродному брату, а потому и ухаживали за мною. Другая причина состояла въ томъ, что дяди и его супруга Олимпиада Васильевна думали, что мы питаемъ неудовольствіе противъ нихъ, сознавали за собою нѣкоторую вину предъ нами и хотѣли эту вину загладить своею любезностью. Дѣло въ томъ, что дѣдъ нашъ, отецъ Петра Ивановича и нашей матери, скончался въ 1853 году, не оставивъ завѣщанія, а послѣ него осталось нѣкоторое имущество, которое желалъ онъ предоставить прежде всего сестрѣ нашей, оставшейся круглою сиротою, безъ всякихъ средствъ къ жизни. Для ней онъ купилъ нѣчто изъ серебряной посуды (ложки и вилки), и въ его сундукъ оказался пакетъ съ 800 рублей съ надписью: „обѣщанное Елизаветѣ“

Но такъ какъ формальнаго завѣщанія не было, то по праву наслѣдства всѣмъ, оставшимся послѣ дѣда, имуществомъ завладѣлъ его сынъ, нашъ дядя. Когда послѣ смерти дѣда, пріѣхалъ во Владиміръ мой братъ, только что кончившій курсъ кіевской Академіи, у него заходили съ дядею щекотливыя рѣчи о дѣлѣхъ наслѣдства, главнымъ образомъ въ виду какого-либо обезпеченія сестры нашей. Вся тяжесть щекотливыхъ переговоровъ о наслѣдствѣ пала на моего брата, на попеченіи котораго, послѣ смерти дѣда, осталась сестра наша. Я въ то время былъ студентомъ, и въ этомъ дѣлѣ не принималъ никакого участія. Дѣло восходило на усмотрѣніе архіерея. Архіерей совѣтывалъ нашему дядѣ исполнить не оформленную волю отца. Но дядя не хотѣлъ ничего уступить изъ своихъ наслѣдственныхъ правъ, имѣя большое семейство: у него было три дочери, которымъ нужно было приготовить приданое. Братъ мой не могъ ничего возражать противъ юридическаго права, и мы, не нарушая добрыхъ отношеній съ родственникомъ, съ покорностію приняли его рѣшеніе присвоить себѣ все наслѣдство, оставшееся послѣ нашего дѣда. Только собираемое имъ для своихъ дочерей приданое не досталось имъ: всѣ три дочери, одна за другою, скончались на восемнадцатомъ году своей жизни отъ чахотки.

Когда мы были у дяди, мы не дѣлали никакого намека на рассказанный непріятный инцидентъ, и на любезность его и его семейства отвѣчали полною родственною пріязнью. И если существовала у нихъ какая-либо тѣнь подозрѣнія какого-либо недовольства съ нашей стороны изъ-за нераздѣльнаго наслѣдства, то при нашемъ личномъ сближеніи она совершенно пропала, и наши взаимныя отношенія установились самыя наилучшія, какія только могутъ быть между близкими родственниками, расположенными другъ къ другу. Только случайно дядя, видя наше доброе расположеніе къ нему, рѣшился напомнить о томъ, что нѣсколько

смущало его. „А вѣдь я думалъ (разъ сказалъ онъ въ откровенной бесѣдѣ), что вы имѣете неудовольствіе противъ меня. Вотъ ваша сестра хорошо вышла замужъ, и теперь вполне обезпечена“.

Обратный путь въ Кіевъ я совершилъ на почтовыхъ перекладныхъ тележкахъ вмѣстѣ съ своимъ двоюроднымъ братомъ Михайломъ Смирновымъ, который назначенъ былъ семинарскимъ правленіемъ въ кіевскую Академію, и имѣлъ подорожную по казенной надобности на двѣ лошади. Только до Москвы я ѣхалъ не прямымъ путемъ, а сдѣлалъ небольшой крюкъ. Мнѣ нужно было заѣхать въ Переславль Залѣсскій, гдѣ жила сестра моя, вышедшая замужъ за моего товарища по семинаріи Александра Константиновича Цвѣткова, который тогда служилъ, кажется, въ переславскомъ земскомъ судѣ, но скоро оттуда перешелъ въ Кронштадтъ, гдѣ поступилъ на службу въ контору надъ портомъ, на какой службѣ и скончался. До Суздаля, куда прежде всего мы поѣхали, провожалъ меня братъ мой вдвоемъ съ своею женою. Въ Суздаль оказали намъ гостепріимство нашъ двоюродный дядя отецъ Θεотимъ, бывшій настоятелемъ суздальскаго Васильевскаго монастыря. Проѣзжая изъ Суздаля въ Переславль, мы на нѣкоторое время остановились въ Симѣ, имѣніи князя Голицына, гдѣ скончался Багратионъ, раненный при Бородинѣ. Здѣсь встрѣтился намъ знакомый мнѣ діаконъ Агриковъ, старшій меня однимъ курсомъ по семинаріи. Онъ водилъ насъ въ садъ или паркъ, расположенный около княжескаго дома.

Въ Переславлѣ мнѣ не долго пришлось быть, нужно было поспѣшать въ Кіевъ. Переславль небольшой городокъ, какъ и Суздаль. Но въ немъ четыре монастыря, какъ и въ Суздаль, и болѣе 20 приходскихъ церквей. Приходы очень небольшіе; есть даже такіа церкви, въ приходѣ которыхъ числится чуть не одинъ домъ. Встрѣтился мнѣ здѣсь одинъ священникъ; мой товарищъ по семинаріи, родной братъ по-

койной жены преосвященнаго Саввы, Дмитрій Царевскій. Онъ говорилъ мнѣ, что у него въ приходѣ, кромѣ причта, всего девять душъ. Конечно, священники въ такихъ приходахъ кое какъ перебиваются, получая слишкомъ малые доходы. Хорошо еще, что въ нѣкоторыхъ изъ такихъ приходовъ есть руга, завѣщанная или подаренная прихожанами прежнихъ временъ. Еще, въ большіе праздники, на Рождество и на Пасху, священники бѣдныхъ приходовъ ходятъ съ крестомъ не по домамъ только своихъ прихожанъ, а посѣщаютъ всѣхъ болѣе или менѣе достаточныхъ гражданъ— за что получаютъ добровольное вознагражденіе отъ чужихъ прихожанъ.

Переславль расположенъ подлѣ довольно большаго озера (около 8 верстъ длины), на которомъ Петръ I въ юные годы дѣлалъ свои первыя упражненія на водяной стихіи, которыя впоследствии развернулись въ широкія морскія компаніи. Тамъ на берегу озера въ особомъ помѣщеніи ботикъ Петра I, и при этомъ нѣкоторыя другія принадлежности старыхъ петровскихъ временъ, напримѣръ, большой стеклянный штофъ, по размѣрамъ несравненно большій нынѣшняго. Озеро нынѣ славится своими сельдами, какихъ нѣтъ въ другихъ мѣстахъ. Эти сельди тамъ въ большомъ употребленіи: изъ нихъ готовится уха, и они едутъ и въ жаркое. Я былъ въ постъ въ Переславлѣ, и всѣ кушанья, мнѣ предлагавшіяся, главнымъ образомъ состояли изъ сельдей. Но они въ то время были довольно дороги, кажется, два рубля съ полтиной десятокъ. Это зависѣло отъ того, что рыбаки, занимавшіеся ловлею ихъ, обязывались доставлять большое количество ихъ за хорошую плату въ Москву и Петербургъ.

Въ Переславлѣ особенное вниманіе мнѣ оказалъ архимандритъ Нифонтъ, бывшій смотрителемъ муромскаго училища, когда я въ немъ учился, а въ то время настоятель переславскаго Никитскаго монастыря. Онъ приглашалъ меня

къ себѣ нѣсколько разъ, и угощалъ на славу. Онъ возилъ меня по окрестностямъ Переславля, и показывалъ мнѣ всѣ его достопримѣчательности, и первую достопримѣчательностию, на которую онъ обратилъ мое вниманіе, былъ ботикъ Петра Великаго.

Отъ Москвы я ѣхалъ въ Кіевъ, на почтовыхъ лошадахъ, уже нигдѣ не останавливаясь, и прибылъ въ него, несмотря на утомительность длиннаго пути, совершенно бодрѣе, освѣжившись тѣми разнообразными и пріятными впечатлѣніями, какія получалъ въ дорогѣ и въ особенности въ разныхъ мѣстахъ своего роднаго края.

Начальствующія лица въ академіи, въ періодъ 1855—1860 г.

Въ первые пять лѣтъ моей службы въ академіи очень часто смѣнялись начальствующія лица, — ректоры и инспекторы академіи. Въ теченіе пяти лѣтъ смѣнилось три ректора и три инспектора. Въ должности ректора больше другихъ служилъ Академіи архимандритъ Антоній Амфиотеровъ. Онъ былъ ректоромъ во все продолженіе нашего четырехлѣтняго академическаго курса, и затѣмъ почти три года занималъ эту должность, послѣ поступленія моего на службу, опредѣленный въ первой половинѣ 1858 года епископомъ чигиринскимъ, викаріемъ кіевской митрополіи. Послѣ него назначенъ былъ ректоромъ Израиль Лукинъ (съ 2 мая 1858 года по 5 декабря 1859 года). Его смѣнилъ Іоанникій Рудневъ, переведенный на ректуру въ Академію изъ ректорства кіевской семинаріи; но онъ пробылъ въ Академіи меньше года (съ 7 декабря 1859 года по октябрь 1860 года), переведенный изъ Кіева въ ректоры с.-петербургской Академіи.

Инспекторомъ сначала былъ Леонтій Лебединскій (по 23 іюня 1856 года, когда былъ назначенъ ректоромъ владимірской семинаріи), потомъ Іоанникій (съ 9 іюля 1856 по

6-го октября 1858 года), и наконецъ Валеріанъ Орловъ, переведенный въ Кіевъ изъ бакалавровъ с.-петербургской Академіи (съ 12 октября 1858 г. по 4 декабря 1859 года).

Ректоръ Антоній (Амфитеатровъ).

Съ чувствомъ глубочайшаго почитанія я всегда вспоминаю о ректорѣ Антоніѣ, при которомъ я учился въ Академіи и при которомъ началъ свою профессорскую службу. Образъ его запечатѣлся въ моей памяти, какъ образъ ректора идеальнаго. Никакой тѣни не носится надъ этимъ свѣтлымъ образомъ, и трудно найти въ немъ какой-либо недостатокъ, какъ въ человѣкѣ и администраторѣ.

Небольшаго роста, худощавый, съ рыжими волосами, онъ не производилъ своею внѣшностію внушительнаго впечатлѣнія. Но по мѣрѣ того, какъ знакомились съ нимъ и узнавали его душевное настроеніе, не могли не признавать красоты его душевнаго склада. Строгій монахъ, онъ, по мѣрѣ силъ своихъ, старался выполнять все требованія истиннаго званія, и самая щепетильная подозрительность не смѣла запылять никакихъ намековъ хулы на его чистое иноческое имя. Но строгій къ себѣ, онъ былъ снисходителенъ по отношенію къ другимъ. Къ людямъ мірской жизни онъ не предъявлялъ ригористическихъ требованій, и не отказывался принимать приглашенія отъ своихъ сослуживцевъ по Академіи и немногихъ знакомыхъ въ городѣ на обѣды и вечера. Но эти выѣзды его на званые обѣды и вечера были довольно рѣдки, и онъ нигдѣ долго не засиживался. Онъ не хотѣлъ, чтобы въ его присутствіи гости того или другаго домохозяина стѣсняли себя, и разрѣшалъ себѣ предаваться обычнымъ скромнымъ мірскимъ удовольствіямъ.

Какъ ректоръ, Антоній былъ начальникъ справедливый, безпристрастный, но вмѣстѣ съ тѣмъ снисходительный, никогда не проявлявшій крутого своевластія, и обладавшій

рѣдкимъ тактомъ въ обращеніи съ людьми, умѣвшій приспособляться къ лицамъ и обстоятельствамъ.

Когда онъ былъ инспекторомъ и ректоромъ семинаріи, молва представляла его очень строгимъ и даже грубымъ. Онъ спуска не давалъ шалунамъ, и для провинившихся не щадилъ рѣзкихъ и бранныхъ словъ. Воялись, что онъ рѣзкую манеру обращенія съ учениками въ семинаріи перенесетъ и въ Академію, и съ этой стороны слагалось, при его переходѣ въ Академію, невыгодное о немъ мнѣніе. Но когда онъ явился въ Академію, и вступилъ въ отправленіе обязанностей ректора, студенты увидѣли въ немъ какъ бы другого человека, совершенно не такого, какого ждали, по рассказамъ семинаристовъ. Въ студентахъ Академіи онъ видѣлъ другую среду, отличную отъ среды семинарской, и имѣлъ съ ними иное обращеніе. Обращеніе его съ студентами всегда было въ высшей степени деликатное и вѣжливое. Студенты, даже виновные, не слышали отъ него рѣзкаго окрика и грубаго слова. Если и выговоръ приходилось ему давать кому-либо, онъ не выходилъ изъ спокойнаго тона, и властнаго слова вынужденной укоризны не сопровождалъ возвышеніемъ и напряженіемъ голоса. Иногда студентъ явно провинится передъ нимъ, на примѣръ, попадетъ ему на глаза, когда онъ выходитъ изъ класса, на которомъ студентъ обязательно долженъ былъ присутствовать; онъ не скажетъ ему ни слова, а только укоризненно посмотритъ на него, и студентъ, сконфуженный, въ этомъ укоризненномъ взглядѣ видѣлъ для себя внушительное наказаніе. Студенты относились къ нему съ полнымъ уваженіемъ и, кажется, между ними не было ни одного, который бы питалъ въ своемъ сердцѣ непріязненное чувство по отношенію къ нему.

По отношенію къ сослуживцамъ, наставникамъ Академіи, онъ держалъ себя не столько какъ начальникъ, а скорѣе какъ добрый и ко всѣмъ внимательный товарищъ. Къ

старшимъ наставникамъ, изъ которыхъ нѣкоторые были его учителями, онъ относился съ заслуженнымъ ими уваженіемъ, не показывая ни малѣйшей тѣни высокомерія. Но и съ младшими, даже самыми юными, бакалаврами онъ всегда былъ привѣтливъ и доброжелательно внимателенъ. Съ нимъ откровенно можно было говорить о всемъ, и онъ спокойно и терпѣливо выслушивалъ самыя различныя замѣчанія, даже направленныя противъ его мнѣній, предоставляя своему собесѣднику даже изъ младшихъ сослуживцовъ полную свободу высказываться по поводу того или другого затронутого вопроса. Какъ бы ни были смѣлы и мало сочувственны ему разглагольствія того или другого его собесѣдника изъ сослуживцовъ, онъ никогда не остановитъ ихъ властнымъ словомъ начальника, и не задвигъ открыто своего неодобренія, тѣмъ болѣе не позволить себѣ какого либо выраженія своего гнѣва. Для характеристики такихъ отношеній ректора Антонія къ своимъ сослуживцамъ и къ свободнымъ изъясненіемъ предъ ямъ своихъ мнѣній, ему не сочувственныхъ, я могу привести одинъ случай изъ первыхъ годовъ моей службы. Было небольшое собраніе у духовника Братскаго монастыря Арсенія, который по случаю полученія наперснаго креста, съ благословенія настоятеля монастыря, пожелалъ предложить нѣкоторымъ изъ братій скромную трапезу, на которую пригласилъ настоятеля монастыря, ректора, инспектора, монашествующихъ бакалавровъ, и меня съ Иваномъ Игнатьевичемъ Малышевскимъ, жившихъ тогда въ монастырѣ. За трапезой зашла рѣчь объ Антоніи Капустинѣ, тогда настоятелѣ духовной миссіи въ Константинополѣ. Филаретъ, тогда молодой іеромонахъ и бакалавръ, повелъ заносчивыя рѣчи въ защиту его. Выставляя на видъ его таланты и достоинства, онъ высказывалъ жесткіе упреки нашему церковному правительству за то, что оно не умѣетъ цѣнить людей и воздавать имъ должное по ихъ заслугамъ. Человека (Антонина), который выше всѣхъ

членовъ Синода, оно упрямо за границу, не давъ ему въ Россіи подобающаго мѣста, на которомъ онъ могъ бы принести большую пользу. Антоній терпѣливо выслушивалъ горячія рѣчи молодого бакалавра, въ которыхъ его негодованіе на наши церковныя порядки лилось черезъ край, и совершенно спокойно, даже очень скромно для начальника, отвѣчалъ на все его рѣзкія нападенія, не дѣлая ему никакихъ замѣчаній по поводу его не совсемъ приличнаго тона рѣчи. Филаретъ самъ сознавалъ, что онъ въ своихъ нападкахъ на высшее церковное управленіе вышелъ изъ границъ должной сдержанности въ словѣ. Когда мы вышли съ нимъ вышли изъ этой трапезы, онъ самъ сознавался предъ нами въ этомъ, но при этомъ замѣтилъ, что это не первый разъ онъ дозволяетъ себѣ въ присутствіи Антонія такія рѣзкія рѣчи. „Я не знаю (прибавилъ онъ въ заключеніе нашей бесѣды), какъ онъ только терпитъ моимъ грѣхамъ.“ Если бы кто либо предъ самимъ Филаретомъ, когда онъ сдѣлался ректоромъ, позволилъ себѣ такія рѣзкія и запальчивыя рѣчи, онъ сразу осадилъ бы такого собесѣдника, и напомнилъ бы о долгѣ приличія.

Какъ предсѣдатель конференціи, онъ въ рѣшеніи дѣлъ не былъ настойчивъ и самоуправенъ. Онъ хотѣлъ вести дѣла правленія въ согласіи съ прочими своими сочленами. Онъ безъ всякаго неудовольствія выслушивалъ мнѣнія другихъ, несогласныя съ его представленіями, и въ особенности придавалъ значеніе голосу старшихъ членовъ Конференціи. Если по обсужденіи дѣла, его представленіе оказывалось несочувственнымъ и неудобопріемлемымъ для большинства, онъ отступался отъ своего мнѣнія и дѣло рѣшалось не такъ, какъ онъ хотѣлъ, а какъ указывали рѣшить его мнѣнія другихъ, съ которыми онъ первоначально не былъ согласенъ. Настаивать непремѣнно на своемъ не было въ его обычаяхъ. Между тѣмъ онъ, какъ племянникъ митрополита, къ которому шла для утвержденія все журналы Конференціи и Прав-

ленія, чрезъ личное представленіе легко могъ бы про-
 нодить какую либо мѣру, противъ которой возстаали дру-
 гіе участвовавшіе въ совѣщаніяхъ Конференціи. Никогда
 онъ не пользовался своею родственною близостью къ митро-
 политу, чтобы поставить то или другое дѣло въ Академіи,
 какъ ему хотѣлось, не смотря на противоудѣйствіе или не-
 согласное съ нимъ мнѣніе другихъ. Въ примѣръ его уступ-
 чивости представленіямъ его сослуживцевъ, не раздѣлявшихъ
 его мнѣнія, я могу привести слѣдующій примѣръ. Онъ обѣ-
 щалъ мѣсто бакалавра по кафедрѣ литургіи и церковнаго
 права іеромонаху Павлу Вильчинскому (впослѣдствіи епи-
 скопу пензенскому), кончившему курсъ академіи въ 1853
 году подъ 2 №, и побудилъ занимавшаго эту кафедру свя-
 щенника Алексѣя Колосова подать прошеніе объ увольне-
 ніи изъ Академіи въ виду того, что Колосовъ опредѣленъ
 былъ законоучителемъ вновь открытаго въ Кіевѣ кадetskа-
 го корпуса. Колосовъ подавъ прошеніе, но неохотно; такъ
 какъ въ то время еще не всѣ классы въ корпусѣ были от-
 крыты, то онъ заявлялъ желаніе сослуживцамъ остаться въ
 Академіи еще на два года. Когда Антоній выставилъ кан-
 дидатуру Павла Вильчинскаго на кафедру въ Академіи, еще
 не совершенно освободившуюся, противъ этой кандида-
 туры возстали многіе члены Конференціи, и эта кандидатура
 была отвергнута. Антоній долженъ былъ согласиться съ
 ними и прошеніе Колосова объ увольненіи изъ Академіи
 возвратить ему назадъ. А Павла Вильчинскаго все таки об-
 надеживалъ, что вызоветъ его въ Академію, когда Колосовъ
 оставитъ Академію, и для этого онъ опредѣлитъ его препо-
 давателемъ въ переяславскую семинарію, ближайшую къ
 Кіеву, впредь до предстоящаго ему вызова на кафедру въ
 Академіи. Когда въ 1855 году Колосовъ вышелъ изъ Акаде-
 міи, Антоній снова предлагаетъ конференціи опредѣлить на
 опроставшуюся кафедру прежняго кандидата Павла Виль-
 чинскаго. Но тогда кончили курсъ іеромонахъ Меодій

Семовъ, Конференція выставила его кандидатуру на ту кафедру, которую Антоній обѣщаль и желаль доставить Павлу, и Антоній не настаиваль на своемъ кандидатѣ. Такимъ образомъ Павлу Вильчинскому не досталась кафедра въ Академіи, и онъ вынужденъ былъ разстаться съ надеждою, что ректоръ Антоній проведетъ его въ Академію.

Не такъ поступилъ въ подобномъ случаѣ позднѣйшій ректоръ Филаретъ (Филаретонъ) въ шестидесятыхъ годахъ. Возымѣлъ онъ намѣреніе перевести въ Академію изъ семинаріи своего товарища по курсу Теофана Лебединцева. Теофанъ Лебединцевъ кончилъ курсъ даже не магистромъ, а старшимъ кандидатомъ (въ спискахъ записанъ подъ 18 №). Его предлагалъ онъ на кафедру исторіи и обличенія раскола, какой науки онъ не слушалъ, будучи въ Академіи, и какъ уроженецъ кіевской губерніи, и практически мало знакомъ былъ съ расколомъ. Конференція, вся единодушно, возстала противъ выставленной ректоромъ кандидатуры Лебединцева на кафедру въ Академіи. Видя, что съ Конференціею дѣла не сладить, Филаретъ не отступилъ отъ своего намѣренія, и перенесъ дѣло о переводѣ Лебединцева въ Академію въ Правленіе, гдѣ кромѣ него засѣдали инспекторъ и два члена изъ профессоровъ академіи, надѣясь здѣсь сломить упорство протестующихъ. Постановленіе Правленія состоялось въ пользу Лебединцева. Но одинъ изъ членовъ (Никифоръ Ивановичъ Щеголевъ) не согласился съ постановленіемъ Правленія и приложилъ къ журналу особое мнѣніе, въ которомъ указаль на незаконность переноса дѣла, разсмотрѣннаго и отвергнутаго Конференціею, для новаго обсужденія его въ Правленіи, и выставилъ тѣ мотивы, по которымъ Конференція не согласилась съ предложеніемъ ректора. Филаретъ непремѣнно хотѣлъ поставить на своемъ: журналы Конференціи и Правленія онъ представилъ Митрополиту съ особою объяснительною запискою, гдѣ, жалуясь на иномыслищихъ, просилъ Митрополита поддержать автори-

тетъ ректора. Митрополитъ (Арсеній) согласился съ представленіемъ ректора, главнымъ образомъ потому, что желалъ поддержать власть начальника заведенія, и такимъ образомъ Ѳеофанъ Лебединцевъ попалъ въ Академію, несмотря на рѣшительное противодѣйствіе Конференціи, будучи проведенъ въ бакалавры единственно упорною волею своего товарища—ректора. Филаретъ, предлагая Конференціи перемѣстить Ѳ. Лебединцева въ Академію, выставилъ на видъ главнымъ образомъ то, что онъ необходимъ ему, какъ сотрудникъ журнала. Въ Академіи издавались тогда два журнала „Труды Академіи“ и „Воскресное Чтеніе“. Филаретъ заявлялъ въ Конференціи, что ему не на кого опереться; такъ какъ наличные наставники мало трудятся для журнала. А Ѳ. Лебединцевъ извѣстенъ ему, какъ отличный литературный работникъ; съ этой стороны (представлялъ Филаретъ) онъ прекрасно зарекомендовалъ себя, принимая дѣятельное участіе въ изданіи Руководства для сельскихъ пастырей. Но надежды Филарета на Лебединцева, какъ сотрудника академическихъ журналовъ, не сбылись. Будучи на службѣ въ Академіи, Лебединцевъ ни одной статьи не помѣстилъ ни въ Трудахъ Академіи, ни въ Воскресномъ Чтеніи, за исключеніемъ одной проповѣди, сказанной въ церкви Братскаго монастыря. Да онъ и не долго состоялъ на службѣ въ Академіи. Опредѣленный бакалавромъ Академіи въ декабрѣ 1861 года, въ 1864 году онъ оставилъ Академію и перешелъ на службу въ Привислинскій край, получивъ мѣсто директора холмской учебной дирекціи.

Какъ особенную похвальную черту у ректора Антонія въ отношеніи къ другимъ, можно указать его справедливость и безпристрастіе. Между студентами у него не было любимцевъ, которыхъ бы онъ старался возвышать надъ другими, хотя бы они того и не заслуживали по своимъ успѣхамъ и способностямъ. Ко всѣмъ онъ былъ одинаково доброжелателенъ, и всѣмъ хотѣлъ воздавать должное. Осо-

баннымъ вниманіемъ, его пользовались студенты-монахи, какихъ было много во время его управленія Академіею. Но въ учебномъ дѣлѣ, при оцѣнкѣ ихъ успѣховъ, онъ не особенно имъ покровительствовалъ. При немъ магистрами, въ первомъ разрядѣ, выпускались тѣ изъ монаховъ, которые дѣйствительно того заслуживали. А какіе студенты изъ монашествующихъ не отличались особенными успѣхами, тѣхъ онъ не тянулъ въ первый разрядъ, но записывалъ ихъ во второй разрядъ, выпускалъ ихъ кандидатами, никогда не подавая настоятельнаго голоса о возвышеніи студента-монаха изъ вниманія къ его иночеству.

И между сослуживцами у него не было приближенныхъ, которымъ бы онъ покровительствовалъ въ обиду и въ ущербъ другимъ. Если онъ выдвигалъ когонибудь, представля на болѣе видную кафедру, съ чѣмъ соединялось повышеніе по службѣ, то дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ во-первыхъ по вниманію къ трудамъ и заслугамъ, пожалуй, и дарованіямъ каждаго, и дѣйствовалъ не самоуправно, а въ согласіи съ старшими представителями академической корпораціи. Яблокомъ раздора въ академической корпораціи могли служить побочныя должности, какихъ было нѣсколько, къ которымъ многіе стремились, желая получить за нихъ прибавочное вознагражденіе къ основному жалованію. Благодаря его вліянію, всегда мирно разрѣшалось это спорное дѣло. Побочныя должности распредѣлялись между тѣми, которые, по общему признанію, наиболѣе нуждались въ прибавочномъ вознагражденіи, и тѣми, которые долгое время не несли никакихъ побочных обязанностей. И я не помню, чтобы по этому поводу возникало какое либо неудовольствіе. Вообще при немъ въ академической семьѣ жизнь текла мирно, и это много зависѣло отъ того, что во главѣ этой семьи стоялъ человѣкъ, полный любовнаго отношенія къ братіи, заботившійся о водвореніи мира и согласія между живущими съ нимъ.

Ректоръ Антоній много заботился о благоустройствѣ Академіи, какъ внѣшнемъ, такъ и внутреннемъ, и тѣмъ сни-скивалъ себѣ благорасположеніе и уваженіе у всѣхъ, принадлежавшихъ къ академическому обществу. При немъ, по увѣренію студентовъ, жившихъ въ Академіи до его поступленія на ректуру въ Академіи, много улучшенъ былъ столъ студенческій, хотя средства содержанія были тѣ же, что и прежде. Но онъ больше еникалъ въ академическое дѣло, расходowanіе экономическихъ суммъ подчинивъ строгому контролю Правленія, и эконому на каждую недѣлю выдавалось расписаніе блюдъ, какія онъ долженъ приготовить для обѣда и ужина на каждый день. При немъ построена на экономическія суммы новая столовая, непосредственно соединенная съ новымъ жилымъ корпусомъ, въ которомъ помѣщалось большинство студентовъ, тѣмъ студенты освобождены были отъ хожденія на обѣды и ужины чрезъ весь монастырь въ старый корпусъ въ старую столовую, что сопряжено было со многими неудобствами и непріятностями, въ особенности въ зимній холодъ и въ ненастную погоду. Онъ закрылъ помѣщенія для студентовъ въ старомъ корпусѣ, гдѣ жилые номера были и сыроватые и темные, и для всѣхъ студентовъ нашелъ и открылъ болѣе удобныя помѣщенія въ новомъ корпусѣ. Только два года при немъ въ старомъ корпусѣ въ нѣсколькихъ номерахъ жили старшіе студенты. А когда я перешелъ въ старшій курсъ, уже для всѣхъ насъ изготовлено было помѣщеніе въ новомъ корпусѣ, и номеръ, въ которомъ я жилъ, будучи въ старшомъ курсѣ, обращенный въ помѣщеніе для студентовъ изъ бакалаврской квартиры, былъ во всѣхъ отношеніяхъ лучше и удобнѣе тѣхъ номеровъ, въ которыхъ жили ваши предшественники. Хотѣлъ и думалъ онъ отдѣлнить въ студенческомъ общежитіи спальни отъ занятныхъ комватъ, чрезъ что достигалась бы большая чистота въ студенческихъ помѣ-

щеніяхъ. Но на это не послѣдовало разрѣшенія отъ митрополита Филарета.

Внимательно слѣдилъ онъ за занятіями студентовъ, главнымъ образомъ по ихъ сочиненіямъ. Наставники, по предмету которыхъ писаны были сочиненія, прочитанныя ими сочиненія съ своими рецензіями представляли ректору, и ректоръ кныя изъ этихъ сочиненій самъ приносилъ въ классъ и сдавалъ авторамъ. Это тогда въ особенности, когда усматривалъ въ сочиненіи что либо не совсѣмъ ладное, выходящее предохранительныя замѣчанія. А иногда выносили въ классъ студенческія сочиненія просто затѣмъ, чтобы однихъ похвалить за удачную и усердную работу, а другихъ пожурить за то, что они невнимательно отнеслись къ своему дѣлу и представили плохія сочиненія. Особеннымъ вниманіемъ его пользовались проповѣди. Проповѣди студентовъ старшаго курса наставникъ гомилетики, а проповѣди студентовъ младшаго курса наставникъ словесности обыкновенно представляли ему за два, за три дня до того праздника или воскреснаго дня, на который писана проповѣдь. Представленные ему студенческія проповѣди онъ внимательно прочитывалъ, и кромѣ рецензій наставника подписывалъ на нихъ свои рецензій, и затѣмъ лучшія проповѣди благословлялъ произнести на поздней литургіи, а другія, не такъ удачныя, на ранней. Наканунъ праздничнаго или воскреснаго дня являлся въ академическій корпусъ посланный имъ его келейникъ, и приглашалъ къ ректору того студента, который писалъ проповѣдь на этотъ день, и ректоръ отдавалъ ему проповѣдь для произнесенія въ церкви, сдѣлавши при этомъ нужныя замѣчанія. А курсовыя сочиненія онъ все просматривалъ самъ. Кромѣ того онъ требовалъ, чтобы студенты предварительно представляли планы своей курсовой работы. И эти планы или расположенія курсовыхъ сочиненій студенты подавали ему, а не тому наставнику, которому дана была тема для сочиненія. И онъ самъ съ боль-

мною внимательностію прочитывалъ эти плапы, и съ своими замѣчаніями сдавалъ ихъ авторамъ. Мой опытъ тому свидѣтель. Я писалъ сочиненіе на тему, данную бакалавромъ-обличительнаго богословія Іоанникіемъ, но планъ сочиненія подалъ не ему, а ректору, и ректоръ пересмотрѣлъ его, не передавая Іоанникію, а затѣмъ приглашалъ меня къ себѣ, чтобы потолковать со мною о предстоящей мнѣ работѣ, и сдѣлать мнѣ нѣсколько руководственныхъ замѣчаній.

Въ заслугу ректору Антонію должно быть поставлено то, что онъ заботился о возвышеніи ученаго авторитета Академіи. Съ этою цѣлію онъ задумалъ изданіе при Академіи ученаго богословскаго журнала, въ которомъ ученые академическіи силы печатали бы свои научныя работы и проводили бы въ читающую публику свои православно-богословскія сужденія о предметахъ вѣры и жизни христіанской. Въ кіевской Академіи, задолго до его вступленія на ректуру, начало издаваться Воскресное Чтеніе, пользовавшееся расположеніемъ извѣстной части русскаго общества. Наслѣдовавъ этотъ журналъ отъ своихъ предшественниковъ по ректурѣ въ Академіи, Антоній старался поддерживать его, и велъ его въ прежнемъ духѣ и направленіи. Но Воскресное Чтеніе преслѣдовано цѣли наизданія, и ученаго характера не имѣло. Изданіемъ этого назидательнаго журнала Академія, какъ высшее учебно-богословское и ученое учрежденіе, не могла и не должна были ограничиваться и довольствоваться. Если не ея прямая задача, то ея достоинство требовало, чтобы она давала читающему обществу не одни уроки назиданія, но и ученые трактаты, служащіе къ разъясненію вопросовъ жизни и вѣры, и чрезъ печать проводила въ общество сужденія по попросамъ, волнующимъ общество, скрѣпленнымъ печатію православія. У Воскреснаго Чтенія былъ одинокъ кругъ читателей. Но среди образованнаго общества много было людей съ иными требованіями, которыхъ не удовлетворяло Воскресное Чтеніе. Они искали и ждали отъ Академіи не

млека только, какимъ могло служить слово назиданiя, но и болѣе твердой пищи,—слова, служащаго отраженiемъ вышшаго знанiя, приспособленнаго къ удовлетворенiю потребностей образованнаго общества. Да и въ самой академической корпорацiи чувствовался избытокъ литературныхъ силъ, для которыхъ узки и тѣсны были рамки Воскреснаго Чтенiя, и онѣ искали органа для своихъ произведенiй съ болѣе широкою программой, имѣющаго ученый характеръ. Антонiй принялъ во вниманiе эти обстоятельства и вотъ у него явилась мысль основать при Академiи изданiе (кроме Воскреснаго Чтенiя) новаго журнала ученаго характера, въ которомъ бы члены академической корпорацiи дѣляли свои знанiями, сужденiями и воззрѣнiями съ представителями образованнаго общества, и который былъ бы отраженiемъ умственнаго склада и научнаго богатства Академiи. Онъ надѣялся, что такой журналъ, при такихъ учено-литературныхъ силахъ, какими владѣетъ Академiя, пойдетъ хорошо, вызоветъ сочувствiе общества, и въ глазахъ его подниметь авторитетъ Академiи. Не сразу явилась у него эта мысль, не съ первыхъ дней его переселенiя въ Академiю. По крайней мѣрѣ, когда я былъ студентомъ, ничего не слышно было у насъ объ этомъ замыслѣ. Но въ первые годы моей службы онъ очень занятъ былъ мыслию объ изданiи при Академiи новаго ученаго журнала. Для обсужденiя этого вопроса ямъ не разъ созываемы были собранiя Конференцiи, писались и разсматривались программы, намѣчались вопросы, разъясненiе которыхъ можно предложить въ первыхъ книжкахъ, заказывались статьи для него, съ указанiемъ того направленiя, въ какомъ должно вестись обсужденiе вопросовъ, намѣчаемыхъ для этихъ статей. Сотрудниками приглашались все наставники Академiи. Но Антонiй особенныя надежды возлагалъ на насъ, молодыхъ бакалавровъ, и меня и Ивана Игнатьевича Малыгевскаго, настойчиво приглашалъ готовить статьи для новаго

журнала. Придумывали разные названія для журнала: большинство предлагало назвать его „Соревнователь духовнаго просвѣщенія“. Но Св. Синодъ не утвердилъ этого названія, а далъ ему свое новое названіе, которое онъ донынѣ носить. Долго тянулась процедура приготовленія къ наданію журнала, длились домашнія совѣщанія, и замедляли дѣло сношенія съ Петербургомъ. Журналъ пельзѣ было издавать безъ разрѣшенія Св. Синода, и ему нужно было представлять программу изданія. Первоначальное представленіе не было утверждено во всей цѣлости. Синодъ сдѣлалъ нѣкоторыя измѣненія въ программѣ; онъ между прочимъ указалъ новую задачу для журнала, — печатать въ немъ въ русскомъ переподѣ творенія западныхъ латинскихъ отцовъ церкви. При разныхъ оттяжкахъ Антоній не дождался, пока выйдетъ разрѣшеніе на изданіе новаго проектируемаго имъ журнала. Первые книжки его вышли въ 1860 году, уже при второмъ преемникѣ его по ректорѣ въ Академіи Іоанникій. Но Антонію все-таки принадлежитъ честь основателя журнала, носящаго нынѣ названіе „Труды Кіевской духовной Академіи“. Не при немъ, а уже послѣ выхода его изъ Академіи, началъ издаваться онъ. Но инициатива изданія, первая мысль о немъ принадлежитъ Антонію, и онъ, будучи ректоромъ, ретиво проводилъ ее.

Академія относилась къ ректору Антонію съ полнымъ уваженіемъ и благорасположеніемъ. Должное почтваніе воздавали ему всѣ, какъ учащіе, такъ и учащіеся. Всѣ читали въ немъ пачальника справедливаго и ко всѣмъ одинаково благожелательнаго, твердо державшаго бразды правленія, но въ то же время не дававшего чувствовать подчиненнымъ членамъ своей власти. Когда онъ получилъ новое высшее назначеніе, на мѣсто викарія кіевской епархіи и настоятеля Кіево-Михайловскаго монастыря (въ 1858 году), Академія съ искреннимъ сожалѣніемъ разставалась съ нимъ. Такъ хорошо жилось при немъ, и всѣ желали, чтобы такая жизнь,

при его добромъ руководствѣ продолжалась долѣе. Но предстояло иное, высшее служеніе чтимому ректору. И Академія, сожалья о томъ, что не онъ будетъ въ ней ректоромъ, радовалась его возвышенію, и въ сознаніи необходимости разстаться съ нимъ находила утѣшеніе въ томъ, что онъ, хотя оставитъ Академію, но все таки будетъ близъ нея, въ томъ городѣ, въ которомъ прежде такъ долго служилъ, и что съ нимъ чрезъ это не прекращаются не только внутреннія, но и внѣшнія сношенія.

Разставаясь съ ректоромъ Антоніемъ, Академія сочла долгомъ вещественнымъ образомъ выразить предъ нимъ чувство своего уваженія и признательности ему. Она поднесла ему драгоценную панягію, которая бы (по словамъ подносящихъ) была для него напоминаніемъ объ Академіи, ему преданной, его любящей и уважающей, которою онъ мирно и благоразумно управлялъ въ теченіе семи лѣтъ. Затѣмъ ему была устроена скромная прощальная трапеза, во время которой съ непринужденною искренностію наливались предъ нимъ чувства хвалы и благодаренія за все то, что онъ добраго сдѣлалъ для Академіи, во время управленія ею, и за тѣ добрыя отношенія, какія онъ всегда поддерживалъ со всѣми, составляющими, благодаря его вліянію, дружную академическую семью. Я былъ тогда юнѣйшій между наставниками, но увлекаемый общимъ уваженіемъ и я дерзнулъ поднять слово, въ похвалу и честь осталяющаго Академію ректора. Я говорилъ отъ лица студентовъ, которые при немъ поступили въ Академію, при немъ и кончили курсъ, и во все продолженіе четырехлѣтняго академическаго курса пользовались его отеческимъ вниманіемъ, привлекающимъ къ нему юношескія сердца. Мы считали себя счастливыми (говорилъ я), что жили и утѣлись четыре года подъ кровомъ начальника—отца, всегда внимательнаго къ нашимъ нуждамъ, и всегда готоваго, по мѣрѣ возможности, удовлетворять ихъ желанія. Мы видѣли и чтили въ васъ

начальника справедливаго, требующаго отъ всѣхъ должнаго, но въ то же время снисходительнаго и милостиваго. Мы знали, что намъ доставляли бы большое огорченіе наши грубыя проступки, и потому мы всѣми силами старались избѣгать ихъ, но малыя наши отступленія отъ порядка вы покрывали своимъ снисхожденіемъ. Никогда вы не являлись предъ нами гнѣвнымъ и грознымъ, но всегда, при серьезномъ обращеніи съ нами, отъ васъ вѣяло духомъ любви и привѣта.

Антоній не оставлялъ своимъ вниманіемъ Академіи и не измѣнялъ своего благорасположенія къ ней, и по выходѣ изъ нея. Когда онъ жилъ въ Кіево-Михайловскомъ монастырѣ, будучи викаріемъ кіевской епархіи, академическіе профессоры всегда были для него пріятными гостями, и онъ всегда съ любовію принималъ ихъ, и просилъ ихъ чаще навѣщать его. Слѣдилъ онъ внимательно за ходомъ жизни академической, и по оставленіи Академіи, и по мѣрѣ надобности принималъ участіе въ мѣропріятіяхъ, направленныхъ къ благоустроенію Академіи и водворенію въ ней большаго порядка. Исторія должна записатьъ въ свои лѣтописи важную услугу, оказанную Академіи въ 1859 году, въ періодъ студенческихъ волненій. Въ 1859 году студенты, недовольные начальствомъ, въ своей дѣятельности не умѣвшимъ слѣдовать методѣ и такту Антонія, начали бушевать и производить безпорядки, напоминающіе нынѣшніе безпорядки студентовъ высшихъ учебныхъ заведеній. Они написали и послали въ Петербургъ прошеніе на Высочайшее имя, въ которомъ очернили ректора, инспектора и нѣкоторыхъ наставниковъ, не щадя самихъ рѣзкихъ словъ къ ихъ униженію, и представили состояніе Академіи въ самомъ ужасномъ видѣ. Одинъ студентъ XX курса (Андрей Поповъ) съ этимъ прошеніемъ явился въ Правленіе Академіи, и ставши на колѣни положилъ прошеніе на голову и обратился съ рѣчью къ Государю Императору, какъ бы тутъ присутвую-

щему, прося Его обратить милостивое вниманіе на приня-
 симую ему жалобу. Начальство академическое совершенно
 растерялось и не знало, что дѣлать. Видя, что растерявшее-
 ся академическое начальство (ректоромъ тогда былъ доб-
 рый, но устарѣвшій Израиль, а инспекторомъ молодой, но
 почти вѣчно пьяный Валеріанъ) не въ силахъ справиться съ
 открывшимся студенческимъ движеніемъ, Антоній принялъ
 непосредственное участіе въ дѣлахъ Академіи, хотя прямого
 оффіціальнаго отношенія не имѣлъ къ ней, и старался
 всѣми доступными ему мѣрами возстановить нарушенный
 порядокъ въ дорогой для него Академіи, измѣнившей преж-
 нему, господствовавшему при немъ спокойствію. Къ умиро-
 творенію и успокоевію волнующихся студентовъ, онъ пер-
 вѣе всего хотѣлъ дѣйствовать чрезъ наставниковъ, внушая
 имъ и прося ихъ не предоставлять студентовъ самимъ себѣ,
 когда они обились съ пути и сами не знаютъ, что дѣлають.
 Онъ далѣе просилъ нѣкоторыхъ наставниковъ прислать къ
 нему нѣсколькихъ студентовъ для личныхъ объясненій. На-
 ставники, по его порученію, отправили къ нему депутацію
 изъ нѣсколькихъ студентовъ, избравъ въ составъ этой депу-
 таціи такихъ студентовъ, которыхъ считались наиболѣе влія-
 тельными и наиболѣе уважаемыми товариществомъ. Къ чис-
 лу этихъ наставниковъ, снаряжавшихъ депутацію студен-
 товъ къ Антонію, принадлежалъ и я. Депутація собралась
 въ моей квартирѣ, которая была въ академическомъ кор-
 пусѣ, и изъ моей квартиры отправилась въ Михайловскій
 монастырь, снабженная съ нашей стороны нѣкоторыми до-
 брыми пожеланіями. Антоній ласково принялъ явившуюся
 къ нему депутацію студентовъ, и долго бесѣдовалъ съ ними,
 заявляя съ одной стороны свое сочувствіе молодежи и ея
 стремленіямъ, а съ другой выставляя на видъ какъ печально
 можетъ отразиться на ихъ судьбѣ ихъ уклоненіе отъ доб-
 раго порядка и грубое выступленіе противъ начальства.
 Увѣщанія Антонія на студентовъ произвели весьма благо-

приятное впечатлѣніе, и его наставленія, исходившія изъ любящаго сердца, оставили глубокій слѣдъ въ ихъ душѣ и они умиротворились. Возвратившись отъ Антонія студенты старались успокоивать своихъ товарищей, и не безуспѣшно. Волненіе въ студенчествѣ постепенно стало утихать, и прежній порядокъ былъ восстановленъ въ Академіи, не безъ вліянія Антонія. Посланное по почтѣ прошеніе студентовъ на Высочайшее имя потребовано назадъ, и было возвращено. Но къмѣ-то оно послано было въ редакцію „Колокола“ Искандера и тамъ было напечатано.

Ректоръ Израиль Лукинъ (1854—1859) на ректурѣ въ Академіи.

Преемникомъ Антонія былъ архимандритъ Израиль, который былъ значительно старше его и лѣтами и по службѣ. Онъ кончилъ курсъ въ Кіевской Академіи въ 1825 году, и уже болѣе тридцати двухъ лѣтъ былъ на службѣ до назначенія его ректоромъ Академіи. Въ эти тридцать два года онъ занималъ должность инспектора и ректора въ разныхъ семинаріяхъ, будучи переводимъ изъ одной семинаріи въ другую (изъ курской въ владимірскую, профессоромъ и инспекторомъ, изъ владимірской въ калужскую ректоромъ, изъ калужской въ курскую, гдѣ первоначально онъ былъ учителемъ, изъ курской въ херсонскую, изъ херсонской въ харьковскую, изъ харьковской въ тифлисскую). Движеніе его по служебной лѣстницѣ было очень медленно, и онъ оставался позади не только своихъ сверстниковъ, но и многихъ изъ младшихъ представителей духовно-учебнаго персонала, даже многихъ изъ своихъ учениковъ. Исидоръ (Никольскій), окончившій курсъ въ петербургской академіи въ томъ же году, въ какомъ Израиль въ Кіевской, былъ уже митрополитомъ, и ученикъ Израиля по курской семинаріи Евсевій архіепископомъ и получилъ назначеніе въ экзархи Грузіи, а Израиль былъ только архимандритомъ.

ректоромъ семинаріи. Намъ неизвѣстны причины такого медленнаго движенія по службѣ Израиля. Особенныхъ потребностей молва ему не приписывала. Развѣ только ему вѣняли въ вину недостатокъ административнаго такта. Но въ такомъ случаѣ зачѣмъ его держали на ректорской должности и переводили изъ одной семинаріи въ другую?

Израилю было шестьдесятъ лѣтъ, когда его назначили ректоромъ Кіевской Академіи, и это назначеніе произошло совершенно случайно. Онъ былъ ректоромъ тифлисской семинаріи, предъ назначеніемъ въ Кіевскую Академію. На мѣсто Исидора, изъ акзарховъ Грузіи переведеннаго въ Кіевъ митрополитомъ, акзархомъ Грузіи назначается Евсеій (Ильинскій), до этого времени архіепископъ Каменецъ-Подольскій. А Евсеій былъ ученикомъ Израиля, когда тотъ былъ ректоромъ курской семинаріи, и онъ, не желая имѣть подъ своимъ начальствомъ своего бывшаго учителя и ректора, просилъ въ Петербургѣ власть имѣющихъ, чтобы Израилю дали другое назначеніе. Къ Исидору, еще не успѣвшему уѣхать изъ Тифлиса, послѣдовалъ запросъ: „можетъ ли ректоръ тифлисской семинаріи Израиль быть ректоромъ академіи?“ Исидоръ отвѣтилъ: „можетъ, если нѣтъ для него другого, болѣе высшаго назначенія“, разумѣя подъ этимъ высшимъ назначеніемъ возведеніе его въ санъ епископа и предоставленіе ему какой-либо катедры, или, по крайней мѣрѣ, викаріатство. Вслѣдствіе такихъ обстоятельствъ Израилю предоставлено было мѣсто ректора Кіевской Академіи, хотя въ то время оно едва ли ему было желательно.

Слишкомъ поздно ему пришлось стоять во главѣ академіи, когда силы его (почти въ шестидесятилѣтнемъ возрастѣ) болѣе или менѣе истощились, энергія ослабла, и приближалось старческое расслабленіе. Вудь поставленъ онъ на мѣсто профессора и ректора Академіи въ болѣе молодые годы, когда силы его были свѣжи, изъ него могъ бы

выдти замѣчательный профессоръ и дѣйтель. Это былъ человѣкъ незаурядныхъ дарованій. Онъ кончилъ курсъ Академіи подъ 2 № въ спискѣ и въ первые годы своей службы снискалъ славу умнаго человѣка и отличнаго преподавателя. Началъ онъ службу свѣтскимъ, и первоначально преподавалъ словесность въ курской семинаріи. Въ монашество онъ поступилъ на шестомъ году своей службы (1831 г.), и скоро по принятіи монашества утвержденъ былъ инспекторомъ курской семинаріи, оттуда переведенъ былъ инспекторомъ и профессоромъ философіи въ владимірскую семинарію, гдѣ вскорѣ ему было поручено преподаваніе богословія. Во Владимірѣ къ нему относились съ большимъ уваженіемъ, признавая его недюжинный талантъ. Въ исторіи владимірской семинаріи Малицкаго сдѣланъ объ немъ прекрасный отзывъ „Преподавалъ Израиль (говорится тамъ) блестяще. При своихъ отличныхъ дарованіяхъ и счастливымъ дарѣ слова, онъ естественно затмилъ ректора и привлекъ къ себѣ вниманіе и расположеніе учениковъ“¹⁾. А ректоромъ во владимірской семинаріи въ то время былъ Неофитъ (Осоянинъ) тоже незаурядный человѣкъ, скончавшійся въ 1868 году, будучи архіепископомъ пермскимъ. Не имѣемъ свидѣній, какъ онъ держалъ себя и какъ къ нему относились въ другихъ мѣстахъ, гдѣ онъ служилъ ректоромъ семинаріи. Но полагаемъ, что онъ не уронилъ того авторитета прекраснаго преподавателя, какой снискалъ въ молодые годы. Въ пользу его говорить то обстоятельство, что митрополитъ Исидоръ, знавшій его по Тифлису, не отказался принять его въ ректоры тогда подвѣдомой ему Кіевской Академіи.

¹⁾ Исторія Владимірской духовной семинаріи. Н. В. Малицкаго. Выпускъ второй, стр. 67.

Молва, предварившая его прибытіе въ Кіевъ, не носила ничего, могущаго омрачить его доброй славы. Находили только, что старъ онъ и, вѣроятно, не долго пробудетъ на ректурѣ академіи. Когда онъ пріѣхалъ въ Кіевъ, онъ первоначально произвелъ на всѣхъ благопріятное впечатлѣніе. Его встрѣтили, какъ стараго воспитанника академіи, съ отличіемъ кончившаго въ ней курсъ, и связаннаго съ нею старыми воспоминаніями. А онъ показалъ себя добрякомъ, совершенно чуждымъ всякаго начальственнаго высокомерія, желавшимъ войти со всѣми, не только старыми, но и молодыми профессорами въ товарищескія отношенія.

Въ церкви, какъ настоятель монастыря, онъ заявилъ себя усерднымъ проповѣдникомъ. Говорилъ проповѣдь безъ тетрадки, хотя и не глубока по содержанію, но весьма приличная, не роняющая его достоинства, и многимъ нравившаяся.

И лекціями его сначала студенты были довольны. (Онъ читалъ догматическое богословіе). Говорили, что лекціи его построились по образцу ораторскихъ рѣчей, и по изложенію имѣли ораторскій оттѣнокъ, въ каждой лекціи былъ свой приступъ и свое заключеніе. Неодобрительные отзывы о лекціяхъ и даже проповѣдяхъ послышались впоследствии, когда студенты стали къ нему въ непріязненные отношенія.

Но какъ ректоръ, какъ правитель Академіи, онъ не умѣлъ поставить себя по отношенію къ учащимся должнымъ образомъ, и административнаго такта не обнаружилъ допустивъ съ этой стороны много ошибокъ. Онъ искалъ популярности у студентовъ, дѣлалъ имъ разныя поблажки и давалъ имъ много обѣщаній, которыя потомъ оказались неудобноисполнимыми. У студентовъ въ требованіяхъ видное мѣсто занимаетъ столъ. Онъ нашелъ и заявлялъ студентамъ, что ихъ плохо кормятъ: у него-де въ Тифлисѣ меньше отпускалось на содержаніе семинаристовъ, а онъ содержалъ и кормилъ лучше, чѣмъ какъ содержать студен-

товъ. Но оказалось, что по состоянію академической экономіи онъ не могъ дать такого улучшенія въ столѣ, какое обѣщалъ, и все его дѣло въ этомъ отношеніи ограничилось одними щедрыми словами, которые остались невыполненными.

И въ дисциплинарныхъ порядкахъ онъ обѣщалъ и готовъ былъ сдѣлать студентамъ разныя послабленія, хотя эти порядки, утвержденные временемъ, не были особенно строги.

Студенты увидали, что новый ректоръ податливъ на ихъ требованія и склоненъ давать разныя льготы. Особенной благодарности ему за это не воздавали, полагая, что такъ и должно быть, чтобы ихъ заявленные желанія безпрекословно исполнялись. Но чѣмъ больше давали имъ обѣщаній и льготъ, тѣмъ больше росли ихъ желанія и требованія и по временамъ принимали такіе широкіе размѣры, что ихъ не могла равнодушно выслушивать терпѣливая снисходительность добряка—ректора. Ихъ желанія и требованія простирались и на учебную часть. Они заявляли неудовольствіе по поводу неудовлетворительнаго, по ихъ мнѣнію, преподаванія того или другого предмета и просили новыхъ лекцій, сверхъ положенныхъ по Уставу и росписанію правленія. Неудовлетворявшіеся лекціями начальника, они изъ своей среды, изъ среды студентовъ избирали себѣ лектора, и поручали ему читать имъ лекціи вмѣсто наставника. Когда заболѣлъ профессоръ всеобщей исторіи Андрей Демьяновичъ Граниковъ, вмѣсто него лекціи по его предмету вызвался читать инспекторъ Академіи Валеріанъ. Но студенты не довольны были его лекціями, и у нихъ явился свой самозванный наставникъ изъ ихъ товарищей и они собирались къ нему въ аудиторию въ большемъ количествѣ, чѣмъ къ регулярному профессору, при чемъ хвалились, что ихъ товарищъ--самозванный наставникъ читаетъ лекціи гораздо лучше Валеріана и прежняго профессора Граникова и многихъ другихъ наставниковъ.

Не могъ не видѣть ректоръ ненормальности такого положенія вещей въ ходѣ студенческой жизни, и онъ долженъ былъ измѣнить свою тактику и свое отношеніе къ студентамъ. Заявивъ себя добрякомъ, готовымъ поблагать студентамъ болѣе надлежащаго, онъ вдругъ, неожиданно для студентовъ, захотѣлъ явить себя строгимъ администраторомъ. Прежнія щедрія обѣщанія остались неисполненными, или молчаливо взяты назадъ. Льготы, имъ полударованныя, стали сокращаться и отниматься отъ нихъ. Прежде всегда ласковый и милостивый по отношенію къ студентамъ, онъ иногда принимать ихъ очень сурово, когда они являли ему свои слишкомъ смѣлыя и дерзновенныя желанія. Не разъ раздражался онъ предъ ними рѣзкими вспышками гнѣва и въ этой новой тактикѣ, когда Израиль хотѣлъ являть изъ себя строгаго администратора, онъ не былъ послѣдовательнымъ. У него не было твердой системы и методы въ веденіи административнаго дѣла. Нынѣ онъ строгъ и взыскателенъ, а завтра по прежнему благъ и уступчивъ, и заявленная имъ строгость совершенно поглощалась его благостію и слабостію, при этомъ его угрозы и строгія административныя мѣропріятія не имѣли устрашающаго характера и на студентовъ не производили никакого дѣйствія.

Нормальный порядокъ былъ нарушенъ въ академіи. Заволновалось студенческое море,—прежде тихое и спокойное, и чѣмъ дальше, тѣмъ волненіе его болѣе и болѣе увеличивалось. Бушевали главнымъ образомъ младшіе курсы, въ которыхъ много было даровитыхъ студентовъ; старшій курсъ велъ себя, за нѣкоторыми исключеніями, тише и спокойнѣе, уклоняясь отъ шумныхъ демонстрацій и требованій своихъ младшихъ товарищей. Чѣмъ больше льстили первоначально студентамъ благожелательныя обѣщанія новаго ректора, тѣмъ сильнѣе было ихъ разочарованіе, когда эти

обѣщанія оставались неисполненными, и когда ректоръ хотѣлъ показать свою власть надъ ними. И вотъ прежде добрый и умный ректоръ теперь пересталъ казаться такимъ: не видѣли въ немъ тѣхъ достоинствъ, какія прежде признавали. Лекціи и проповѣди его, произносимыя въ церкви, прежде правившія имъ, теперь подвергались нѣкъ злой критикѣ и все, что выходило отъ него, находили пустымъ и бессодержательнымъ. Въ глазахъ студентовъ ректоръ постепенно терялъ всякій авторитетъ. Угрожала академіи полная анархія. Студенты не хотѣли признавать наставниковъ надъ ними и не хотѣли повиноваться имъ, когда ихъ распоряженія шли наперекоръ ихъ желаніямъ. Дѣло дошло до того, что студенты, минуя начальства, надъ ними поставленные, минуя ректора и правленіе академіи, минуя митрополита, главнаго начальника академіи, минуя даже Св. Синодъ, рѣшили обратиться съ своими жалобами и требованіями прямо къ Государю Императору, и изготовили прошеніе на Высочайшее имя. Для подачи этого прошенія они придумали особый церемоніаль, думая этимъ церемоніаломъ произвестъ большее впечатлѣніе на свое непосредственное начальство, на которое они приносили жалобу. Церемоніаль этотъ состоялъ въ томъ, что во время засѣданія Правленія безъ доклада врывается въ Правленіе одинъ студентъ младшаго курса, уже упомянутый нами Андрей Поповъ, въ виду зеркала становится на колѣни, на голову кладетъ прошеніе, и съ словомъ жалобы не обращается къ членамъ правленія, тутъ присутствующимъ, а къ Государю Императору, какъ бы лично ему внимающему. Члены Правленія ошеломлены были такимъ выступленіемъ представителя студентовъ и не знали, что дѣлать. Прошеніе студентовъ послано было въ Петербургъ.

Въ этомъ поступкѣ, въ подачѣ прошенія на Высочайшее имя, движеніе студентовъ достигло своей кульминаціи.

оной точки. Студенты торжествовали, сознавая, что они нанесли страшный ударъ академическому начальству, неудовлетворившему ихъ желаній и требованій.

Но скоро, послѣ кратковременнаго торжества, возбужденіе студентовъ стало ослабѣвать. Ректоръ впрочемъ съ своей стороны не принималъ никакихъ мѣръ къ успокоенію студентовъ. Приняли участіе въ погашеніи этого шумнаго дѣла лица, официально къ этому непризванныя, и первѣе всего прежній ректоръ Антоній, тогда викарій Кіевской митрополіи. Онъ и нѣкоторые наставники въ частныѣхъ бесѣдахъ съ студентами выставляли незаконность ихъ поступка, и говорили, что изъ ихъ выступленія не выйдетъ ничего хорошаго. Получить большую неприятность академическое начальство, но и имъ самимъ не одобровать: для нихъ печально можетъ кончиться ихъ незаконный поступокъ, въ которомъ нельзя не видѣть явнаго нарушенія дисциплины и дерзновеннаго выступленія предъ Высочайшею властію въ роли самовольныхъ критиковъ ямъ совершенно непринадлежащей... Образумились увлекшіеся юноши, по крайней мѣрѣ многіе изъ нихъ, и входя въ спокойное обсужденіе своего положенія, начали отступление. Отправленное въ Петербургъ прошеніе на Высочайшее имя потребовано назадъ съ почты и было возвращено. Оно потомъ послано было не къ Государю Императору, которому первоначально адресовано, а въ Лондонъ къ Искандеру, куда ему, по его характеру и содержанію, и подобало быть отправленнымъ. Искандеръ, съ удовольствіемъ собиравшій и печатавшій пасквильные документы, касающіеся Россіи и ея правительственныхъ учреждений, напечаталъ это прошеніе студентовъ въ своемъ Колоколѣ, но при печатаніи помѣстилъ не лестную для студентовъ замѣтку касательно ихъ направленія.

На что же жаловались и чего просили студенты въ своемъ прошеніи, изготовленномъ на имя Государя Импера-

тора? Кажется, они сами хорошенько не обдумали того, что писали, и несомненно не извѣсили силы и тяжести ихъ заявленій. Ихъ прошеніе не столько прошеніе, сколько обвинительный актъ противъ той академіи, въ которой они учились. Академію они представляютъ дошедшею до послѣдней степени развала, и изображая ея оостояніе самыми мрачными красками, ни одною доброю чертою не оттънили нарисованной ими темной картины. Прежде всего они нападаютъ на свое непосредственное ближайшее начальство и представляютъ его жалкимъ, неотвѣчающимъ своему назначенію. Поставленные во главѣ академіи, представители академическаго начальства не отличаются ни умомъ, ни административнымъ тактомъ, ни въ комъ не внушаютъ къ себѣ уваженія. Къ тому же одинъ изъ нихъ (инспекторъ) алкоголикъ и къ студентамъ часто является въ нетрезвомъ видѣ. Изъ наставниковъ многіе ведутъ дѣло свое небрежно, кое-какъ, не отличаясь ни умомъ, ни познаніями, ни даромъ сообщенія; иные изъ нихъ такъ слабы, что объ нихъ говорятъ, что они краснорѣчивы, какъ рыбы. Содержаніе студентовъ скудное; экономя злоупотребляетъ казенными суммами, и не все расходуетъ на студентовъ, что полагается. Дисциплинарные порядки тяжелые, напрасно стѣсняющіе свободу студентовъ. Если подвергаютъ иногда студентовъ взысканію за нарушеніе дисциплинарныхъ правилъ, то часто не разслѣдовавъ, какъ слѣдуетъ, дѣла и взысканію подвергаются совершенно невинные.

Что было бы, если бы прошеніе студентовъ на Высочайшее имя дошло по своему назначенію и попало въ руки Государя Императора? Гадать объ этомъ теперь трудно. Но во всякомъ случаѣ можно безошибочно сказать, что добраго ничего бы не вышло, а на академію обрушилась бы бѣда, которую не легко было бы ей пережить. Прямымъ слѣдствіемъ подобнаго прошенія, если идти прямолинейно

было бы закрытіе академіи, или по крайней мѣрѣ переформированіе ея. Если бы пришлось вновь открывать академію, нужно бы поставить новыхъ начальниковъ, набрать новыхъ болѣе способныхъ наставниковъ, да не оставлять въ ней и студентовъ бунтарей, а вызвать въ составъ студентовъ юношей болѣе скромныхъ и благонастроенныхъ.

Можетъ быть въ академіи никакихъ безпорядковъ не было бы, если бы при ректорѣ Израилѣ былъ строгій инспекторъ, могущій сдерживать студентовъ. Но къ несчастію, въ академію при немъ присланъ былъ такой инспекторъ, который не могъ быть помощникомъ ректору, и который способенъ былъ только разстраивать дѣла, а не успокаивать ихъ. Правда, при немъ первоначально инспекторскую должность занималъ Іоанникій, впоследствии митрополитъ московскій и кievскій, человекъ строгой дисциплины, твердо державшійся старыхъ порядковъ, при которомъ мирно жила и процвѣтала академія. Если бы его назначили ректоромъ академіи, непосредственно вслѣдъ за переводомъ Антонія на епископскую кафедру, въ академіи не было бы никакихъ тревоженій. Но этотъ инспекторъ, человекъ строгого порядка, пробылъ при Израилѣ въ Академіи только пять мѣсяцевъ и затѣмъ опредѣленъ былъ ректоромъ Кіевской семинаріи. Онъ съ своей стороны представлялъ Израилію, что трогать и мѣнять установившуюся дисциплину въ академіи не слѣдуетъ, что съ студентами нужно обращаться осторожно, и не нихъ нужно слушаться, а ихъ заставлять повиноваться себѣ и установленному порядку. Но Израиль мало слушалъ представленій сдерживающаго голоса, а полагался на свою силу и ректорскую власть, которой всѣ въ академіи должны подчиняться, и которая въ свое время все сьумѣетъ упорядочить. При Іоанникіи впрочемъ еще не было замѣтнаго волненія въ студентствѣ. Признаки необычнаго броженія уже проявлялись и они не мало беспокоили Іоан-

никія, какъ инспектора. Въ виду ихъ Іоанникій уже высказываетъ опасенія за свою судьбу. „Придется идти въ монастырь“, говорили онъ въ частномъ интимномъ кругу. Но въ монастырь ему идти не пришлось; его перевели въ ректоры семинаріи, а академію предоставили злой судьбѣ, независимо къ ней подкрадывавшейся.

II. Инспекторъ Академіи, іеромонахъ Валеріанъ.

Баккалавръ С.-Петербургской Академіи Валеріанъ Орловъ былъ человѣкъ очень талантливый, въ особенности бойкій на слова. Предъ людьми, встрѣчающимися съ нимъ, онъ могъ импонировать показною силою своихъ дарованій. Но свой талантъ онъ совершенно загубилъ водкою. Это былъ алкоголикъ неисправимый и въ монашество онъ поступилъ совершенно случайно, не обдумавши того, что дѣлалъ. Еще будучи студентомъ, онъ попался въ пьянствѣ предъ академическимъ начальствомъ. Когда приближалось окончаніе курса, инспекторъ Кириллъ, впоследствии епископъ мелитопольскій, призываетъ его къ себѣ и говоритъ ему (такъ передавалъ самъ Валеріанъ): „поступай въ монахи; если поступишь въ монахи, мы простимъ тебѣ все грѣхи твои, ты кончишь первымъ и будешь оставленъ въ Академіи баккалавромъ; а не поступишь въ монахи, мы выпустимъ тебя во второмъ разрядѣ, и пожалуй съ неодобрительнымъ поведеніемъ“. Молодой студентъ захотѣлъ быть баккалавромъ и подалъ прошеніе о поступленіи въ монашество. Прошеніе, почти вынужденное у него, было принято и пущено въ ходъ, не смотря на то, что предшествующая жизнь его съ частнымъ пьянственнымъ разгуломъ, мало давала надежды на то, что изъ него выйдетъ хорошій монахъ. Но Кириллъ, увлекшій его въ монахи, вѣроятно, полагалъ, что монашеская ряса и клобукъ, съ перемѣною всего строя его жизни, образумятъ его и заставятъ быть воздержнѣе. Но ничего добраго, на что надѣялись цѣнившіе талантъ его,

не случилось. Напротивъ, монашество послужило причиною гибели даровитаго студента, хотя, можетъ быть, и безъ монашества, онъ пошелъ бы гибельнымъ путемъ, на который сильно влекла его страсть къ водкѣ. Опреѣленный бакалавромъ Академіи въ 1855 году, Валеріанъ не побѣдилъ своей страсти, замѣченной въ немъ еще въ студенчествѣ. Напротивъ, съ годами она болѣе усиливалась въ немъ и опланивала его волею, къ чему еще располагала его скука уединеннаго житія, наложеннаго на него монашествомъ, съ которымъ мало мирился его живой общительный характеръ. Что бакалавръ Валеріанъ плохо и мало борется съ пьянственною страстію, имъ овладѣвшею, и часто бываетъ не трезвъ, это хорошо было извѣстно академическому начальству, извѣстно было и митрополиту Григорію. И вотъ его, заведеннаго пьяницу, въ наказаніе и для исправленія посылаютъ инспекторомъ въ Киевскую Академію, оставляя его съ санъ іеромонаха, посылаютъ тогда, когда для Киевской Академіи, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, при слабомъ и престарѣломъ ректорѣ, требовался особенно энергическій и строгій инспекторъ. Больше неудачнаго назначенія не могло и быть. Блюстителемъ и охранителемъ нравственности студентовъ посылается чеховѣкъ, самъ постоянно нарушающій требованія нравственной дисциплины, и требующій опеки надъ собою. Это было пагубно и для него самого и для Академіи, въ которую былъ посланъ,—для него потому, что по случаю своего неводержанія повышенный въ рангъ, онъ еще менѣе сталъ сдерживать себя, а для Академіи потому, что молодые люди, вѣренныя его надзору, не могли незамѣтить его крупнаго недостатка, бьющаго въ глаза, и чрезъ то свободно нарушать требованія дисциплины. Это, кажется, былъ грѣхъ С.-Петербургскаго митрополита Григорія, который, перемѣщая Валеріана на новое мѣсто и ставя его на административный постъ, надѣялся, что не исправный въ нравственномъ отношеніи молодой іеромонахъ на новомъ

мѣстѣ, начнетъ новую жизнь, и обязанный смотрѣть за добрымъ поведеніемъ другихъ, осторожнѣе будетъ вести себя и внимательнѣе будетъ относиться къ улождоченію своей собственной жизни. Но дѣйствительность, при слабой волѣ Валеріана, не оправдала его добрыхъ ожиданій.

До прибытія Валеріана въ Кіевъ, молва не успѣла передать никакихъ неблагопріятныхъ вѣстей о новоназначенномъ инспекторѣ Академіи. Онъ явился къ намъ съ чистымъ именемъ, не омраченнымъ никакими тѣнями. Сообщили только, что это очень даровитый человѣкъ. Признаніемъ его высокихъ дарованій объясняли назначеніе его, на третьемъ году службы, инспекторомъ въ чужую Академію, и не смотря на то, что въ этой Академіи былъ свой кандидатъ, кончившій курсъ въ томъ же году, какъ и Валеріанъ, и имѣвшій одинаковыя права съ нимъ на занятіе вакантной должности инспектора,—Мееодій (Семовъ), который послѣ Валеріана и занялъ эту должность.

Мы приняли его съ признанію. Красивый, довольно высокаго роста, съ живою, бойкою рѣчью, въ немногочисленной компаніи овладѣвавшій нѣтиско разговора, онъ на первыхъ порахъ произвелъ на насъ очень благопріятное впечатлѣніе, и мы готовы были признать его талантъ, и думали, что онъ съ честью послужитъ Академіи и даже, можетъ быть, будетъ ея украшеніемъ.

Но слишкомъ кратковременны были наши надежды, возлагаемыя нами на новаго талантливаго инспектора. Разочарованіе въ немъ не замедлило скоро послѣдовать, и это разочарованіе было тѣмъ тяжелѣе, чѣмъ больше надеждъ на него возлагали. Цѣлоственный бѣсъ, имъ овладѣвшій, незримо для насъ, вмѣстѣ съ нимъ переселился изъ Петербурга въ Кіевъ, и адъсъ съ большею силою, чѣмъ прежде, заставлялъ его служить себѣ и чрезъ то предавалъ открытому позору его репутацію, прежде прикрытую. Его крупный недостатокъ, нетерпимый въ начальникѣ, открылся во всемъ въ Акаде-

мін, и учащимъ и учащимся, почти съ самыхъ первыхъ дней его пребыванія среди насъ. Пьянымъ, и пьянымъ, какъ говорили, зѣло, онъ являлся предъ нами при первомъ знакомствѣ съ нами, не соблюдая требуемой осторожности. Нерѣдко проявленія его невоздержанія были слишкомъ рѣзки и убійственны для его репутаціи.

Ко мнѣ, жившему тогда въ академическомъ корпусѣ, онъ явился, когда у меня были И. Игн. Малышевскій и М. М. Троицкій: мы собирались обѣдать. Не вдаваясь въ долгіе разговоры, онъ прямо, безъ обиняковъ, обратился къ намъ съ вопросомъ: нѣтъ ли у васъ водочки? Водка нашлась; поставленъ былъ графинъ на столѣ, и онъ, ораторствуя, ходилъ по комнатѣ и выпивалъ рюмку за рюмкою, пока не осушилъ всего графина, единолично, безъ всякой нашей помощи. Когда онъ собирался уходить, мы замѣтили, что поступъ его нетверда (онъ, вѣроятно, пришелъ къ намъ уже полуготовый), и боялись, дойдетъ ли онъ благополучно до своей квартиры, которая была во второмъ этажѣ, а я жилъ въ нижнемъ. Мы съ Иваномъ Игнатьевичемъ Малышевскимъ взяли въ проводить его, желая охранить его отъ зоркихъ студенческихъ глазъ, и когда поднимались по лѣстницѣ, поддерживали его Иванъ Игнатьичъ съ одной стороны, а я съ другой; онъ сначала грозно крикнулъ на насъ, а потомъ тотчасъ же расхохотался, и мы благополучно довели его до дверей его квартиры. Безъ нашей поддержки онъ, пожалуй, не поднялся бы по лѣстницѣ, и студентамъ пришлось бы помогать ему добраться до своей комнаты. Это было въ самые первыя недѣли его пребыванія въ Кіевѣ.

И въ семействахъ сослуживцевъ, жившихъ въ городѣ, онъ не стѣснялся являться не въ лучшемъ видѣ. Былъ онъ въ гостяхъ у одного профессора и пилъ у него пунши, бывшіе тогда въ употребленіи, и напился до того, что былъ не въ состояніи сѣсть въ экипажъ, а его должны были усаживать. Народъ, видѣвшій это, соблазнился пьянымъ ви-

домъ молодого красиваго монаха, доведшаго себя до такого неприличія. Тогда знакомые Валеріана, для огражденія его чести, прибѣгли ко лжи,—объяснили народу, что это монахъ не пьяный, а онъ страдаетъ ревматизмомъ, и по причинѣ этой болѣзни почти не можетъ ходить.

Оригинально отпраздновалъ Валеріанъ свои именины (Ему приходилось только разъ праздновать ихъ, по кратковременности его пребыванія въ Кіевѣ). Это было 1 іюни 1859 года: въ тотъ годъ это число падало на второй день Троицы. Любезный товарищъ, онъ пригласилъ къ себѣ на именины всю академическую братію пожаловать къ нему вечеромъ, и для угощенія братіи, не скупясь, закупить и приготовить множество яствъ и разныхъ питій. Но не выдержалъ себя до вечера, въ виду заготовленныхъ имъ разныхъ питій, и прежде, чѣмъ стали собираться гости, онъ постарался угостить самого себя, и угостилъ себя до потери сознанія. Вечеромъ собрались въ его инспекторскую квартиру гости, имъ любезно приглашенные, а именинника нѣтъ; его присутствія не видно. Высказывали недоумѣніе, куда дѣвался именинникъ, и спрашивали у прислуги, гдѣ онъ. Оказалось, что онъ спитъ непробуднымъ сномъ, мертвецки пьяный, и во все продолженіе вечера не могли добудиться его ни прислуга, ни приходившіе въ его спальню нѣкоторые изъ сослуживцевъ. Приглашенные однако не разошлись, а остались пировать и потреблять приготовленное, безъ хозяина. Тогда роль хозяина принялъ на себя старшій изъ профессоровъ Венедиктъ Павловичъ Чеховичъ, и все подавалось и дѣлалось по его распоряженію. Такимъ образомъ именины или заготовленный именинный пирогъ не пропалъ, только хозяинъ не попалъ на торжественный часъ своихъ именинъ. На другой день гости благодарили его за угощеніе, и рассказывали ему, какъ они пировали у него вчера. Чего на свѣтѣ не бываетъ, говорилъ онъ въ отвѣтъ рассказчикамъ.

И студенты часто видѣли его не въ своемъ видѣ, то есть, въ состояніи опьянѣнія. Онъ даже былъ такъ неостороженъ, что иной разъ, напившись порядкомъ, заходилъ въ студенческіе номера, и здѣсь, не владѣя собою, дозволялъ себѣ поступки, мало вѣроятные и совершенно неприличныя со стороны инспектора. „Придетъ пьяный въ номеръ (говорили студенты), сядетъ на табуретъ, поведетъ съ нами рѣчь вовсе не дѣловаго характера, и потомъ спроситъ: нѣтъ ли у васъ папирсочки? Тѣ дадутъ ему папирску, и онъ, инспекторъ, въ присутствіи студентовъ, затянетъ папирску, у нихъ же выпрошенную“. А въ инструкціи, выданной отъ инспектора студентамъ, имъ первѣе всего строжайше воспрещается употребленіе хмѣльных напитковъ, а затѣмъ куреніе табаку, въ особенности въ номерахъ. Какъ же они будутъ смотрѣть на эти правила инструкціи, когда въ ихъ глазахъ является нарушителемъ этихъ правилъ блюститель ихъ нравственности, обязанный смотрѣть за тѣмъ, чтобы эти правила строго выполнялись! Будутъ ли они считать ихъ обязательными для себя?

Могло ли быть у студентовъ надлежащее уваженіе къ такому инспектору? И могъ ли онъ сдерживать ихъ въ предѣлахъ законной дисциплины? Да онъ впрочемъ о томъ и не заботился, а предоставлялъ имъ жить по своей волѣ.

Иногда впрочемъ дѣлалъ попытки показать свою инспекторскую власть, издавалъ строгія распоряженія, входилъ запиской въ правленіе о неспособствующихъ богослуженію. Но всегда его попытки были неудачны; его распоряженія студенты мало подчинялись, и они вызывали у нихъ неудовольствія и протесты и онъ болѣею частію бралъ назадъ свои распоряженія, подчинялся капризамъ студентовъ.

Свой нравственный недостатокъ неудачный инспекторъ могъ бы прикрыть нѣсколько авторитетомъ ученаго профессора. Если бы онъ снискалъ этотъ авторитетъ, студенты

многое могли бы извинять ему, и не потеряли бы къ нему уваженія. Къ сожалѣнію, Валеріанъ не имѣлъ авторитета, ни какъ ученый, ни какъ профессоръ. Онъ былъ человекъ несомнѣнно очень даровитый; но въ Кіевѣ онъ явился уже безъ потенціи къ ученому труду, заглушивъ въ себѣ тѣ способности, которыя могли бы сдѣлать его блестящимъ профессоромъ и плодовитымъ ученымъ работникомъ. Къ изученію своей науки, которую поручено было преподавать ему (онъ преподавалъ нравственное богословіе) онъ мало прилежалъ и замѣтно не любилъ ея. Онъ самъ сознавался, что по своему настроенію онъ избралъ бы лучше для преподаванія другіе предметы, болѣе ему симпатичные. Вѣтъ дѣло наставника довольно небрежно, къ лекціямъ готовился мало и выносилъ на кафедру или малосодержательныя и вялыя импровизаціи, или мало продуманныя и кое какъ склеенныя лекціи, которыя не возбуждали внимательности у слушателей.—Но вотъ открылось мѣсто наставника по другой кафедрѣ, за болѣзнію профессора Граникова, который читалъ всеобщую гражданскую исторію, и онъ взялся, никѣмъ къ тому не побуждаемый, замѣстить его. „А это мой любимый предметъ (говорилъ онъ): я съ удовольствіемъ возьмусь за преподаваніе его“. Мы думали, что тутъ онъ разойдется и покажетъ во всей силѣ и свой преподавательскій талантъ и свою ученость. Но не такъ вышло, какъ мы ожидали,—сказалъ двѣ лекціи, а потомъ ослабѣлъ и замолкъ... Вызвался онъ говорить проповѣдь на Богоявленіе,—храмовой праздникъ Братскаго монастыря, и съ проповѣдію не могъ совладать. Сначала у него шло хорошо, а потомъ, лишь только приступилъ къ развитію темы, мысль его ослабѣла, и онъ не могъ создать связнаго цѣлаго изъ тѣхъ представленій, какія бродили въ его головѣ.

Была одна область предметовъ, на которой Валеріанъ съ особенною любовію останавливался и вступая въ которую съ увлеченіемъ ораторствовалъ, показывая здѣсь всю

силу своего краснорѣчія,—это область современныхъ политическихъ вопросовъ. Газеты въ этомъ случаѣ были его руководителями и вдохновителями. Въ газетахъ онъ въ особенности любилъ останавливаться на преніяхъ, какія велись въ англійскомъ парламентѣ и слѣдилъ за ними съ неослабнымъ вниманіемъ, и потому онъ подробно могъ передать, что сказалъ о томъ или другомъ вопросѣ лордъ Пальмерстонъ, что лордъ Дерби, что лордъ Кларендонъ и т. д. Какъ-то случалось, что въ товарищескихъ компаніяхъ Валеріанъ всегда почти склонялъ рѣчь собесѣдниковъ къ своей любимой темѣ, и тогда лились живыя, даже увлекательныя его рѣчи, и онъ овладѣвалъ всемъ разговоромъ, принимая въ немъ главную первенствующую роль. Иногда съ интересомъ можно было слушать его разглагольствія по политическимъ вопросамъ, а люди, въ первый разъ внимавшіе его политическимъ разглагольствіямъ, даже увлекались ими и говорили: какой у васъ умный инспекторъ!

Таковы были начальники Академіи, которымъ было вѣрено управленіе ею въ 1859 году, когда открылось шумное волненіе студентовъ, нарушившее покой ея. Студенты безъ сомнѣнія виноваты, что вышли изъ повиновенія начальству и дисциплинарнымъ правиламъ, начали своевольничать и предъявлять незаконныя требованія, и даже задумали призывать Верховную Власть къ суду надъ Академіею, для изображенія состоянія которой не щадили самыхъ темныхъ красокъ. Но едва ли не болѣе ихъ виновно начальство, которое не понимало и не исполняло своего долга и потеряло всякій авторитетъ въ глазахъ студентовъ, вѣренныхъ ихъ руководству и управленію. Въ особенности въ этомъ отношеніи лежалъ тяжкій грѣхъ на инспекторѣ Валеріанѣ, который совершенно не годился въ инспекторы, и поведеніе котораго было соблазномъ для всѣхъ. Эти обстоятельства объясняютъ причины волненій студентовъ и снимаютъ съ нихъ значительную часть вины за ихъ просту-

покъ. Во всякомъ случаѣ повѣсть о волненіяхъ студентовъ въ 1859 году составляетъ одну изъ печальныхъ страницъ въ исторіи Кіевской Академіи послѣдней половины девятнадцатаго столѣтія.

Что было слѣдствіемъ этого печальнаго событія, о которомъ только что я разсказалъ? Академія въ цѣломъ своемъ составѣ мало потерпѣла. Жизнь въ ней скоро вошла въ нормальную колею, и прежній порядокъ безъ труда въ ней былъ возстановленъ. Но пострадало главнымъ образомъ начальство, которое вынуждено были смѣстить и перемѣнить.

Израиль, уволенный отъ должности ректора Академіи (5 декабря 1859 года), возведенъ былъ въ санъ епископа и опредѣленъ епископомъ винницкимъ, викаріемъ Подольской епархіи. Но за упраздненіемъ въ скоромъ времени винницкаго викаріатства, онъ только носилъ титулъ епископа, и жилъ въ Шаргородскомъ монастырѣ (въ глухомъ мѣстечкѣ) въ качествѣ его настоятеля. Не имѣя никакого дѣла и не видя для себя въ будущемъ ничего добраго, онъ чувствовалъ себя очень тяжело, и не находилъ ни въ чемъ отрады. Для развлеченія себя и наполненія чѣмъ-либо празднаго времени онъ ѣздилъ иногда къ сосѣднимъ священникамъ и съ удовольствіемъ принималъ приглашенія на храмовые праздники въ окрестныя села. Случалось, что его посѣщали лица, служившія вмѣстѣ съ нимъ въ Академіи. Такимъ онъ поручалъ передать Академіи: „скажите, что Израиль скучаетъ, очень скучаетъ“. Недолго продолжалась его жизнь въ невольномъ затворѣ: онъ скончался въ 1864 году.

Печальная судьба постигла инспектора Валеріана; но виною ея были не его опущенія по должности, а онъ самъ или несчастная страсть, имъ овладѣвшая. Онъ конечно былъ уволенъ отъ должности инспектора, пробывъ на ней около года, и посланъ былъ на жительство въ число братства въ

Харьковский монастырь, подъ надзоръ тамошняго архіепископа Макарія, впоследствии митрополита московскаго, который постригъ его въ монахи. Но живя въ монастырѣ простымъ монахомъ, онъ вовсе не думалъ объ исполненіи монашескихъ обѣтовъ, велъ безпорядочную жизнь и шилъ горькую, сколько то позволяли скудные средства, попадавшія въ его руки. Тогда господствовала откупная система, и въ городахъ водка была дороже, чѣмъ въ деревняхъ и селахъ, и Валеріанъ нерѣдко ходилъ за черту города за дешевой, и попадался обходу, который сѣдилъ за тѣмъ, чтобы никто не провозилъ и не приносилъ водки въ городъ изъ деревень, для чего онъ имѣлъ право останавливать каждаго прѣзжающаго или приходящаго въ городъ и посмотреть, нѣтъ ли у него запрещенной дешевки. Валеріанъ уже извѣстенъ былъ обходу, и не разъ обходъ останавливалъ его, отбиралъ его водку, и онъ, защищая свое сокровище, готовъ былъ вступать съ обходомъ въ рукопашную.

Не долго продолжалось его томленіе въ монастырѣ. Онъ скоро снялъ съ себя рясу, оставилъ монашескіе обѣты и вырвался на свободу, и имя Валеріана стало Василиемъ Орловымъ. Но жизнь его на свободѣ, по выходѣ изъ монастыря, стала еще хуже и плачевнѣе, чѣмъ въ монастырѣ. Въ монастырѣ онъ имѣлъ по крайней мѣрѣ теплый уголь и даровый кусокъ хлѣба. А на свободѣ у него не было ни кола, ни двора, и ничего, чѣмъ бы онъ могъ спокойно питать себя. Онъ записался въ полтавскіе мѣщане, и до конца жизни жилъ въ Полтавѣ, ведя жизнь жалкаго босика-пропойцы. Не имѣя ничего за душою, онъ часто становился въ ряду нищихъ, и протягивалъ руку за подаваніемъ отъ прохожихъ, а что получалъ, все несъ въ кабакъ. Разъ, послѣ какого-то собранія или обѣда у ректора семинаріи, преподаватели семинаріи, между которыми были и ученики Валеріана, по выходѣ изъ комнатъ ректора, увидѣли, что

въ ряду нищихъ, толпившихся около дверей ректорскихъ и ждущихъ себѣ какой нибудь подачки, стоитъ и Василий Орловъ, бывший Валеріанъ. Они воротились назадъ, позвали къ себѣ Василия Орлова и рѣшились какъ нибудь помочь ему, чтобъ высвободить его изъ того грязнаго ому-та, въ которомъ онъ вращался,—сдѣлали складчину и сшили ему приличный костюмъ. Потомъ онъ, какъ умнѣйшій, но несчастный магистръ, рекомендованъ былъ въ домашніе учителя, кажется, самому губернатору. Явившись къ аристократу, которому онъ былъ рекомендованъ, въ трезвомъ видѣ и въ приличномъ костюмѣ, онъ своею бойкою рѣчью, которою онъ хорошо владѣлъ, могъ произвести доброе впечатлѣніе на челоюка, мало его знавшаго, и понравившись вельможѣ, былъ принятъ имъ въ домашніе учителя. Но что потомъ? Двухъ недѣль не могъ удержать его у себя вельможа, какъ ни старался угождать и снисходить ему, и вынужденъ былъ отказать ему отъ своего дома, или говорить прощѣ, прогнать его. Послѣ короткаго пребыванія въ людяхъ Василий Орловъ опять очутился между небомъ и землею и присталъ къ своей босаяцкой средѣ,—сшитый ему костюмъ не замедлилъ пропитъ, и свою наготу прикрывалъ какимъ нибудь тряпьемъ, выпрошеннымъ имъ у кого-нибудь.

Мнѣ какъ-то случилось видѣть бывшаго инспектора Академіи Валеріана въ томъ печальномъ положеніи, до ка-кого онъ довелъ себя, и въ которомъ прозябалъ многіе годы, безъ всякой надежды на улучшеніе своей участи. Въ 1877 году я былъ въ Полтавѣ. Я остановился у родныхъ, и они мнѣ сказали: не хочу ли я видѣть Василия Орлова, бывшаго Валеріана? Я выразилъ не только согласіе, но и искреннее желаніе повидаться съ прежнимъ сослуживцемъ. Послали за нимъ, но сказали ему, чтобы онъ приходилъ повидаться съ В. Ѳ., но только при томъ условіи, если онъ

трезвъ (а трезвымъ застать его можно было чрезвычайно рѣдко). Онъ тотчасъ же явился ко мнѣ, но пьяный и въ дырявомъ костюмѣ. Пославшіе за нимъ сказали ему: „Зачѣмъ вы явились пьяный? Васъ просили придти, если вы трезвы“.— „Ну что же? Зачѣмъ скрынаться?“ (отвѣчалъ онъ). Я съ горькимъ сожалѣніемъ смотрѣлъ на него, на его рваный костюмъ, на его красивое, но обрюзглое лицо. Онъ, должно быть, замѣтилъ тѣ чувства, какія возбуждаетъ во мнѣ его видъ, и онъ, какъ бы въ утѣшеніе меня, началъ мнѣ говорить: „Не думайте, что я пропащій человекъ. Я зарабатываю шесть тысячъ въ годъ“. Чѣмъ? (спросилъ я)— „Своею педагогическою дѣятельностію“,—отвѣтилъ онъ. „Да что? Не даше, какъ вчера, одна дама просила меня сопровождать ее въ Парижъ и за это предлагала мнѣ двѣ тысячи рублей“... Все это пустыя слова пропащаго человека, и едва ли онъ хоть на минуту могъ подумать, что я повѣрю ему. Педагогической дѣятельности у него не было никакой. Только въ началѣ, по поселеніи въ Полтавѣ, онъ писалъ задачки семинаристамъ и гимназистамъ, и вознагражденіемъ за это былъ крѣпчекъ водки или пятнадцать копѣекъ серебромъ. Да и такая педагогическая дѣятельность продолжалась не долго. Семинарское и гимназическое начальство усмотрѣло вредное развращающее вліяніе Василія Орлова на молодежь, и семинаристамъ, а равно и гимназистамъ запрещено было входить въ какое либо сношеніе съ В. Орловымъ.

Когда я, отправляясь изъ Полтавы, ѣхалъ на пзвоицкѣ на вокзалъ желѣзной дороги, и увидѣлъ, что идетъ по тротуару В. Орловъ, бывшій Валеріанъ, идетъ въ дешевенькомъ, но чистенькомъ костюмѣ. Онъ меня не замѣтилъ. Было около десяти часовъ утра. А онъ уже спѣшилъ въ иное мѣсто, гдѣ для утоленія своей жажды могъ получить живительную и вмѣстѣ губительную для него влагу.

Умеръ онъ въ полицейскомъ участкѣ, гдѣ, за неимѣніемъ своей квартиры, онъ часто находилъ пріютъ въ ночное время.

Такъ погибъ богато одаренный человекъ, погибъ отъ алкоголя. Не подружись онъ съ юныхъ лѣтъ съ чаркою, изъ которой невоадержно вливалъ въ себя опасный ядъ,— изъ него вышелъ бы замѣчательнѣйшій дѣятель, и профессоръ и ученый, и служитель и правитель церковный. Судьба жестоко посмѣялась надъ нимъ. Роскошнымъ цвѣткомъ выросталъ онъ первоначально на открытомъ полѣ русской жизни, но потомъ, не имѣя за собою добраго ухода, очень рано, не успѣвъ распуститься вполне, облитъ былъ ядовитотою жидкостію, и какъ цвѣтокъ, завялъ и погибъ невозвратно.

Студенты курса бунтарей (XX) не понесли никакой чувствительной кары за свое выступленіе противъ начальства и нарушеніе правилъ академической дисциплины. Изъ нихъ никто не былъ уволенъ изъ Академіи; но нѣкоторые вышли сами по прошенію, опасаясь, вѣроятно, подвергнуться взысканію за общестуденческое дѣло, и поступили въ университетъ. Вышелъ Андрей Поповъ, явившійся въ Правленіе Академіи съ прошеніемъ на Высочайшее имя. По окончаніи курса въ университетѣ онъ былъ, если не ошибаюсь, учителемъ въ гимназіяхъ Виленскаго учебнаго округа. Вышелъ Павелъ Житецкій, недовольный, кажется, тѣмъ, что Академія не оцѣнила его таланта, бывшій впоследствии известнымъ и уважаемымъ преподавателемъ русскаго языка и словесности въ кадетскомъ корпусѣ и коллегіи Павла Галагана, имѣвшій степень магистра русскаго словесности. Вышелъ Федоръ Гурьевъ, скончавшійся состоя домашнимъ учителемъ сына Григорія Павловича Галагана Павла Галагана, въ память о которомъ, по случаю его безвременной кончины, основана въ Кіевѣ коллегія Павла Галагана. Вышелъ Михаилъ Флегонтовичъ Владимірскій-Будановъ, до-

нынѣ адропствующій профессоръ университета св. Владимира, пользовающійся славой ученаго и репутаціею незауряднаго профессора.

Въ курсѣ было очень много даровитыхъ студентовъ, изъ которыхъ иные съ честію могли бы занимать академическую кафедру. Но Конференція, и въ частности ректоръ Академіи Филаретъ рѣшили никого изъ курса бунтарей ни избирать, ни допускать на академическую кафедру, хотя бы оказались для нихъ празднои вакансіи. Главари, то есть, первыми студентами въ курсѣ считались Михаилъ Владимірскій-Будановъ и Романъ Василевскій. М. Владимірскій-Будановъ вышелъ изъ Академіи въ послѣдній годъ академическаго курса,—вышелъ, не безъ основанія опасаясь, что ему не воздадутъ должнаго, чего онъ заслуживалъ по своимъ успѣхамъ и дарованіямъ, то есть, не оставятъ его при Академіи бакалавромъ. И въ этомъ онъ не ошибся. Когда по окончаніи Владимірскимъ-Будановымъ курса въ университетѣ, стала высоко подниматься его репутація, какъ замѣчательнаго преподавателя,—нѣкоторыми, между прочимъ, Серафимомъ, тогда викаріемъ кіевской митрополіи, скончавшимся архіепископомъ воронежскимъ, высказываема была мысль, что хорошо было бы его возвратитъ въ Академію, то есть пригласитъ на какую-либо кафедру, но ректоръ рѣзко отклонилъ подобное предложеніе, и тѣхъ наставниковъ, которые раздѣляли и заявляли ему подобную мысль, готовъ былъ обвинять въ сочувствіи революціонерамъ и бунтовщикамъ.

Романа Василевскаго философы (профессора) предпочитали Владимірскому-Буданову, и при нормальномъ ходѣ академической жизни онъ несомнѣнно былъ бы оставленъ бакалавромъ въ Академіи. Но академическая кафедра не была ему предоставлена, на что онъ питалъ нѣкоторую надежду, не смотря на опалу, которая тяготѣла надъ его курсомъ. Онъ былъ посланъ на службу въ Курскъ, и былъ здѣсь преподавателемъ семинаріи и въ то же время смотри-

телемъ курскаго духовнаго училища. Когда Министерство народнаго " просвѣщенія, въ началѣ шестидесятихъ годовъ прошлаго столѣтія, искало кандидатовъ для занятій кафедръ философіи въ университетахъ и рѣшило послать избранныхъ кандидатовъ для довершенія своего философскаго образованія за границу, Р. Василевскій вошелъ въ сношеніе съ харьковскимъ университетомъ, предлагая ему свои услуги, причемъ мною въ университетъ препровождена была частнымъ образомъ рекомендація о немъ. Но соглашенія съ университетомъ у него не послѣдовало, и онъ въ Курскѣ до конца своей жизни продолжалъ занимать указанныя мною должности. Умеръ онъ очень рано.

Для одного изъ студентовъ XX курса допущено было исключеніе, при опредѣленіи на мѣста въ Академіи,—для Степана Михайловича Сольскаго. Ему удалось получить кафедру въ Академіи, хотя его товарищи не ожидали для него такой чести, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, а равно и по мнѣнію многихъ наставниковъ, онъ не принадлежалъ къ числу выдающихся студентовъ курса. Правда, онъ всегда отличію отвѣчалъ на экзаменахъ и по устнымъ отвѣтамъ могъ считаться однимъ изъ самыхъ лучшихъ студентовъ, но его сочиненія особенными достоинствами не отличались, и въ этомъ отношеніи онъ уступалъ многимъ изъ своихъ товарищей. Но онъ не принималъ никакого участія въ студенческихъ волненіяхъ, и съ формальной стороны былъ студентъ исправнѣйшій, строгій и точный исполнитель дисциплинарныхъ правилъ, и это вѣнчано ему въ заслугу, при избраніи его въ бакалавры Академіи. По окончаніи курса онъ опредѣленъ былъ наставникомъ Кіевской духовной семинаріи, и служилъ въ ней три года, первоначально не думая объ Академіи. Первую мысль о переходѣ его въ Академію внушилъ ему тогдашній ректоръ семинаріи Θεоктистъ (впослѣдствіи архіепископъ рязанскій), весьма благожелательно къ нему относившійся. Онъ сильно стоялъ за

него на Конференціи и свидѣтельствовалъ объ его отличныхъ преподавательскихъ способностяхъ. Находились и другіе его защитники. Ректоръ Академіи Филаретъ согласился принять его въ Академію, но неохотно, такъ какъ не вѣрилъ въ силу его таланта. Между тѣмъ, Ст. М. Сольскій съ честію совершалъ свое служеніе въ Академіи, занимая катедру священнаго Писанія. Состоя профессоромъ Академіи, онъ принималъ участіе въ дѣлахъ городской Управы, и потомъ нѣсколько трехлѣтій былъ избираемъ въ должность Кіевского Городского Головы, на каковой должности и скончался. Человѣкъ безупречно честный, преданный тому дѣлу, за которое брался, добросовѣстно старавшійся исполнять всѣ свои обязанности, онъ пользовался уваженіемъ всего Кіева, и городъ воздалъ ему подобающую честь, при его погребеніи, устроивъ ему торжественные похороны.

Изъ студентовъ XX мятежническаго курса нѣкоторые достигли іерархическихъ степеней:

1) Матвій Невскій, въ монашествѣ *Митрофанъ*, скончавшійся епископомъ смоленскимъ, бывшій до принятія монашества ректоромъ курской семинаріи. Курсовое сочиненіе его на тему: „Современное состояніе вопроса о соединеніи церквей—восточной и западной“ напечатано въ Трудяхъ Академіи за 1862 годъ.

2) Михаилъ Некрасовъ, въ монашествѣ *Лаврентій*, до принятія монашества занимавшій должность законоучителя Воронежскаго кадетскаго корпуса и по принятіи монашества бывшій ректоромъ Московской Академіи, а потомъ епископомъ курскимъ, а затѣмъ тульскимъ.

3) Харисямъ Орда, въ монашествѣ *Ириней*, изъ ректоровъ кіевской семинаріи викарій кіевской митрополіи, потомъ преемственно епископъ могилевскій, тульскій, каменецъ-подольскій, екатеринбургскій и, наконецъ, орловскій.

4) Илья Тихонъчъ Экземпларскій, въ монашествѣ *Іеронимъ*, изъ викаріевъ кіевской митрополіи епископъ там-

бойскій, потомъ архіепископъ питовскій и виленскій и затѣмъ варшавскій.

Способными студентами считались Михаилъ Никольскій (изъ рязанскихъ) и Николай Марковъ (изъ курскихъ). Михаилъ Никольскій, по окончаніи курса, опредѣленъ былъ наставникомъ скатеринославской семинаріи, но, кажется, дальнѣйшаго повышенія по службѣ не имѣлъ. Н. Марковъ въ студенчествѣ извѣстенъ былъ, какъ человѣкъ философскаго направленія, и это философское направленіе создало ему между товарищами репутацію незауряднаго философа. Онъ былъ пріятель Романа Василевскаго, и весьма часто они вдвоемъ оходились между собою и рѣшали философскія проблемы. Но почему-то онъ не попалъ въ первый разрядъ и выпущенъ былъ изъ Академіи кандидатомъ. Онъ былъ преподавателемъ воронежской семинаріи, а потомъ ректоромъ черниговской семинаріи.

Изъ этого курса Даніилъ Синицкій, бывшій начальникомъ Фундуклеевской женской гимназіи, окончившій курсъ магистромъ.

Присужденные Конференціею къ степени магистра студенты не были прямо, по обыкновенному порядку, утверждены въ степени, но предварительно Святѣйшій Синодъ обращался съ запросомъ о поведеніи и направленіи каждого изъ нихъ къ тѣмъ епархіальнымъ архіереямъ, въ вѣдѣніи которыхъ они состояли, и только по полученіи отъ преосвященныхъ удовлетворительнаго отзыва о нихъ послѣдовало ихъ утвержденіе въ присужденной имъ степени.

Изъ студентовъ бунтарей жизнь многихъ переноспитала: поступивъ на службу, опытно практически ознакомившись съ тѣмъ, чего требуетъ и чѣмъ держится всякое благоустроенное общество, многіе изъ нихъ изъ крайнихъ либераловъ, какими слыли въ студенчествѣ, становились людьми строгаго порядка и строгой дисциплины. Иные изъ

нихъ на службѣ занимали должность инспекторовъ семинаріи,—Федоръ Дмитревскій черниговской, Дмитрій Оровъ полтавской, Александръ Ивановъ владимірской.

Какъ будто не по нимъ была эта должность. Но они были добросовѣстными ея исполнителями, и отъ учениковъ семинаріи требовали точнаго исполненія тѣхъ дисциплинарныхъ правилъ, противъ которыхъ возставали и въ нарушеніи которыхъ сами были виновны, когда были студентами.

Въ этомъ отношеніи замѣчательна метаморфоза съ студентомъ Федоромъ Гурьевымъ, моимъ землякомъ, упомянутымъ мною выше. Въ студенчествѣ это былъ челоѣкъ крайнихъ анархическихъ убѣжденій, и вышедъ изъ Академіи, не мирясь съ ея порядками. По выходѣ изъ Академіи онъ въ Москвѣ пристроился къ какой-то редакціи, исполняя тамъ должность, не то корректора, не то дѣлопроизводителя. Живя въ Москвѣ, онъ бывалъ въ разныхъ частныхъ собраніяхъ, и на нихъ давалъ полную волю своему злоязычію. Разъ онъ разошелся такъ, что поразилъ всѣхъ собесѣдниковъ своими анархическими идеями,—укладъ нашей жизни находилъ нестерпимымъ, политическое устройство невозможнымъ; въ атмосферѣ, въ которой мы живемъ, по его словамъ, такъ душно, что дышать невозможно и т. под. (Говорю это со словъ самого Гурьева). Когда кончилъ онъ свои рѣчи, отличавшіяся только дерзостію и легкомысліемъ, а не основательностію, къ нему подоѣлъ одинъ священникъ, бывший въ собраніи, и началъ съ нимъ дружескую бесѣду.

— По глубокому убѣжденію (спрашивалъ священникъ) говорите вы все это, или просто для красиваго слова, какъ часто дѣлаютъ наши либералы, желая заявить себя наиболѣе передовыми людьми?

— По искреннему глубокому убѣжденію, — отвѣчалъ Гурьевъ.

— Если вамъ нестерпимо жить въ нашемъ обществѣ (въ Россіи), и нашу атмосферу вы находите такую, что вамъ дышать невозможно (продолжалъ священникъ), то гдѣ бы вы могли найти болѣе благопріятныя условія для своей жизни? Въ Западной Европѣ?

— Нѣтъ, ни въ одномъ изъ государствъ Западной Европы. Во всѣхъ нихъ то же самое, что и у насъ.

— А въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки?

— Тамъ укладъ жизни болѣе благопріятный, чѣмъ у насъ (отвѣчалъ Гурьевъ); но все таки очень далекъ отъ идеала, который я ношу и желаю бы видѣть осуществленнымъ. Впрочемъ я тамъ еще могъ бы мириться съ условіями жизни.

— Знаете ли, что? Пожалуйте въ Сѣверную Америку, гдѣ вы можете мирно устроиться и найти болѣе благопріятныя условія для своей жизни. Я даю вамъ на это пять тысячъ рублей. Не изумляйтесь. Я говорю серьезно. Я человѣкъ одинокій; деньги у меня есть, и предлагая часть ихъ, я думаю сдѣлать чрезъ то доброе дѣло,—во первыхъ, доброе дѣло для васъ, надѣясь чрезъ то доставить вамъ возможность жить болѣе мирною жизнью, чѣмъ какою вы живете нынѣ,—во вторыхъ, доброе дѣло и для общества, избавивъ его отъ человѣка, болящаго болѣзнію заразною, отъ котораго зараза можетъ перейти къ другимъ“.

Всѣгда священника, въ особенности его предложеніе ему денегъ ошеломило Гурьева, и онъ началъ задумываться надъ собою и перебирать тѣ идеи, на основаніи которыхъ строилъ воздушныя замки, гдѣ бы всѣмъ жило мирно и покойно. Заколебался міръ возрѣвній, повидимому, твердо сложившихся у него. Данъ сильный толчекъ къ внутренней переработкѣ всего его міросозерцанія.

Когда началась это внутренняя переработка, онъ погаль въ кружокъ славянофиловъ, и подѣ вліяніемъ ихъ

совершенно преобразился; подвергшись ихъ вліянію, усвоилъ ихъ идеи, и изъ анархиста и крайняго либерала сдѣлался славянофиломъ и консерваторомъ. Московскіе славянофилы, считая его своимъ близкимъ по убѣжденіямъ, рекомендовали его Галагану, богатому малороссійскому помѣщику, тоже славянофилу, и онъ принялъ его домашнимъ учителемъ къ своему сыну. У Галагана Гурьевъ жилъ нѣскольکو лѣтъ, и у него и скончался незадолго до смерти единственнаго сына Галагана. Галаганъ былъ вполне увѣренъ въ доброкачественномъ направленіи Гурьева; иначе онъ не держалъ бы его при себѣ учителемъ и воспитателемъ сына. А онъ хорошо зналъ его воззрѣнія и убѣжденія. Это былъ совершенно не тотъ Гурьевъ, какимъ онъ былъ въ Академіи, и какимъ онъ являлся въ первое время по выходѣ изъ Академіи.

Въ злополучное время Израиля и Валеріана стряслась другая бѣда надъ Академіею, въ причиненіи коей они впрочемъ неповинны; украли семь тысячъ казенныхъ денегъ. Въ прежнее время Правленіе Академіи хранило казенныя деньги не въ казначействѣ, а у себя дома. Для этого въ нижнемъ этажѣ академическаго корпуса отведена была небольшая комната, которая и называлась казенкою. Въ казенкѣ дверь обита была желѣзомъ, или сплошь желѣзная; желѣзомъ обита была и ставня единственнаго окна казенки. У двери казенки каждую ночь спалъ правленскій служитель, въ качествѣ охранителя комнаты. Казалось, приняты были надлежащія предохранительныя мѣры противъ воровскихъ покушеній. Но нашелся воръ, вѣроятно, изъ служителей Академіи, который сумѣлъ проникнуть въ казенку, не смотря на эти предохранительныя мѣры. Онъ пробилъ стѣну подъ окномъ казенки, и сдѣлалъ въ ней такое отверстіе, чтобы можно было свободно человѣку чрезъ него проникнуть въ казенку. Надъ пробитіемъ отверстія въ

стѣнѣ, вѣроятно, воръ трудился не одну ночь. Но это легко было скрыть; потому что стѣна корпуса, гдѣ казенка, вплотную заставлена была дровами. Войдя въ казенку, не трудно было разбить сундукъ, обитый желѣзомъ, и взять изъ него все, что тамъ хранилось. А въ казенкѣ тогда всего было семь тысячъ. Въ одинъ день, когда нужно было взять деньги изъ казенки для раздачи жалованья, Правленіе Академіи въ полномъ составѣ отправляется къ казенкѣ,—отпирають ее и—о ужасы! предъ нимъ открывается такое зрѣлище: сундукъ разбитъ, и крышка на немъ поднята; стѣна пробита, и въ сундукѣ нѣтъ денегъ, а одни бумаги, служащія для обертки.

Я жилъ тогда въ академическомъ корпусѣ, въ квартирѣ, какъ разъ противъ казенки. Было утреннее время; я еще не былъ одѣтъ и пилъ чай. Вдругъ съ шумомъ открывается дверь моей квартиры, и я слышу изъ корридора тревожный голосъ Ивана Матвѣича Вобровницкаго, бывшаго тогда секретаремъ Правленія: „Василій Ѳеодорычъ! Идите сюда! Скорѣе! Бѣда!“ Я кричу ему изъ дальней комнаты: „Не могу выйти. Я еще не одѣтъ. Въ халатѣ“. Иванъ Матвѣичъ отвѣчаетъ мнѣ: „Идите, въ чемъ сидите. Только скорѣе! Очень нужно“. Вышелъ я на зовъ Ивана Матвѣича, и вижу: казенка открыта. Всѣ члены Правленія, съ ректоромъ во главѣ, съ смущеніемъ стоятъ предъ разбитымъ сундукомъ, изъ котораго исчезли деньги, и ректоръ говоритъ мнѣ, когда я вошелъ въ казенку: „ахъ! ахъ! какое несчастье!“ А Иванъ Матвѣичъ обращается ко мнѣ и говоритъ: „будьте свидѣтелемъ“. Къ чему тутъ нужно было и могло служить мое свидѣтельство? Дѣло ясное: какой-то воръ проникъ въ казенку, взялъ деньги, какія тамъ были, и скрылся съ ними, и гдѣ искать его?

Члены Правленія боялись, какъ бы на нихъ не возложена была уплата похищенныхъ денегъ, худо хранимыхъ

ими. Но благодаря ходатайству митрополита Исихора они освобождены были отъ этой напасти. Благодаря тому же ходатайству, сумма похищенныхъ денегъ снова выслана была въ Академію изъ Хозяйственнаго Управленія Синода. А пока этого не послѣдовало, Правленіе Академіи, на текущія нужды, и для раздачи жалованья наставникамъ, позаимствовало потребную сумму въ Кіево-Печерской Лаврѣ.

Воръ такъ умѣло обдѣлалъ дѣло, что никакъ не могли напасть на слѣдъ его, и онъ остался неразысканнымъ.
